

ВЯЧЕСЛАВ ЩЕПОТКИН

ЛЮДИ НА ДОРОГЕ ЖИЗНИ

Свидетельские показания соучастника

Глава 5 Дом в деревне с землёй

Как я уже писал, перевод в Москву удовлетворял ещё по одной причине: появлялась возможность осуществить давнее желание – купить в деревне дом с землёй. Я родился и вырос в частном доме. Приусадебный участок у нас был небольшой. Тем не менее на нём разместились несколько плодовых деревьев – яблони, вишни. По краям, вдоль заборов, – кусты смородины. Кроме того, сажали помидоры, огурцы. А в том климате не нужно никаких парников, всё росло и созревало в открытом грунте. Зелень росла. И даже небольшой кусок земли занимало картофельное поле. Ну, не поле, а скажем так, участочек. Это как бы на усадьбе за домом. А впереди, не знаю почему и что меня подтолкнуло, я когда-то притащил саженец сирени, посадил, и потом он вырос в приличный сиреневый куст. Запах сирени я люблю с детства. Вдоль дорожки к калитке бабушка сажала цветы – душистый табак. Вечером они пахли прекрасно. Поэтому для меня дом с землёй был символом уюта.

Я не раз подходил к этой затее, чтобы её реализовать. Но в Волгограде это дело я не собирался осуществлять. Вообще я не собирался жить в этом жарком и сухом климате. Меня все время тянуло в леса, куда-то севернее. В других городах – в Ярославле, Костроме... Скажем, Кострома была очень эпизодическим городом, в Ярославле было не до дома в деревне с землёй, потому что дома обычного даже не было. И только в Смоленске забрезжила какая-то надежда.

Я познакомился с одной председательницей сельсовета, немолодой уже женщиной, хорошей, деловой женщиной, у которой, как она говорила, есть такой дом. Земли сельсовета включали в себя небольшой полуостров, который образовывался на стыке рек Днепра и, по-моему, реки Берёзы. И там можно было купить пустующий дом. Я загорелся, думаю: ну, вот хорошо. Правда, у меня денег не было даже на велосипед. Но, думаю, заработаю, найду и куплю дом. Очень уж понравилось место. В километре через лес проходила шоссейная дорога Москва – Брест, а за рекой, тоже примерно в километре, была железная дорога и станция. Железная дорога шла на запад. И я размышлял: в этот дом ко мне будут приезжать друзья с девушками, вечером будем гулять, говорить, песни петь – я играл на гитаре, говорят, неплохо пел.

Продолжение. Начало в № 2 за 2022 год.

А рано утром буду вставать и на втором этаже садиться писать. Друзья же будут внизу ещё спать... И вот такие планы уже начали меня волновать. Но тут, как известно, мой двоюродный брат прислал телеграмму о том, что мама тяжело больна. Я все бросил и уехал в Волгоград.

Теперь, оказавшись в Москве и понимая, что больше отсюда никуда не тронусь, не буду переезжать, я решил сразу заняться поисками дома в деревне. Я понял, что надо искать через представителей местной власти. Поездил по некоторым районам. Побывал в районах к югу от Москвы, мне показалось там неинтересно. Съездил в Клинский район. Там была возможность, домик можно было купить, но мне не понравилось место, и я его отдал одному из наших ребят из охотничье-рыболовной компании – Владимиру Страхову.

Поскольку до Казахстана я жил в Ярославле, там у меня были друзья и знакомые, то решил искать в этом направлении. Зашёл в отдел писем “Известий”, порылся в почте, нашёл какое-то письмо из Загорска – там какая-то жалоба была ничтожная, пустяковая. Я за неё зацепился. Позвонил председателю горисполкома, а им оказался Геннадий Филиппович Попов. Говорю: в “Известия” пришло письмо, пишет жительница района, вот такая проблема. Попов отвечает: “Присылайте письмо, мы решим проблему”. Но мне же надо познакомиться с председателем горисполкома! Говорю ему: “Знаете, я, наверное, сам приеду”.

Приехал. Познакомился. Впоследствии мы стали близкими товарищами, понимающими друг друга, и вдвоём нам было интересно.

Во время первой же встречи я заговорил о своей давней мечте – о доме в деревне с землёй. Я понимал, что одно дело – деревня рядом с Ярославлем, даже рядом с Волгоградом, другое – рядом с Москвой. Это совершенно разные возможности. А Загорский район был близко к Москве. Мы начали с Поповым, как говорится, контактировать. Я ему напоминал, дёргал его, приезжал. Как-то он звонит: приезжайте. Мы поехали в одну деревню. Хорошее место, на границе Московской и Владимирской областей. Но оказалось, что дом пока пустой и без людей, однако есть наследники. Где они, кто они – неизвестно.

Тем более, один наследник вроде как не совсем нормальный умом. Я понял, что тут может быть много возни. Говорю: “Нет, Геннадий Филиппович, это не будем рассматривать”.

Через некоторое время он снова звонит и говорит: “Есть тут одна деревня – Слотино (тогда, да и сейчас ещё пишут про населённые пункты с храмами – деревня, хотя на самом деле это всегда село), там стоит домик, он на балансе сельсовета”. Ну, мы взяли председателя сельсовета и поехали. А была зима, даже, я бы сказал, близко к весне, где-то, наверное, начало марта. Снегу!.. Идём от “бетонки” (это Большое московское кольцо – БМК, называется в народе “бетонкой”). Снегу по колено, еле-еле пробираемся. Местами, правда, поменьше. Вдалеке – церковь. Подходим к участку: ни забора, ничего нет, так просто стоит какая-то полуразвалина, да и другие дома не очень ухоженные. Вот, говорит председатель, этот дом. Ну что же: место нормальное. Я заключил договор с этим сельсоветом. И, кажется, рублей за 800 купил эту руину.

Когда летом приехал, домик нельзя было разглядеть за крапивой. Крапива поднималась до самой крыши.

Дом я купил. Но не дом, конечно, – рухлядь. На крыше – дыра. Дожди, тающий снег – всё протекало вниз. Размер избышки-руины 3 на 4 метра. Пол тоже с дырой, и под ним стоит вода.

Сначала надо было домик разобрать. Нашёл троих ребят, чтобы они разобрали, как говорит знакомый профессор-экономист, эту “халабуду”. И вот двое подрубают стропила, а третий – Саша Маркелов – сидит на “коньке” крыши и что-то около трубы колдует. Вдруг стропила рушатся, и он, чтобы не упасть, цепляется за трубу. Висит, как ангел на известном шпиле в Москве. Слава Богу, всё это было низко.

С той поры мы знаем с Сашей друг друга больше тридцати лет. Он много сделал для моего дома. Имея художественный вкус, предложил, а главное, своими руками сотворил целый ряд интересных деталей во внутренней отделке. Будучи человеком творческим, ищущим, как-то незаметно для меня занялся бизнесом. Сначала продавал сделанные другими диваны, кресла, деревянные кровати. Потом организовал собственное производство, расширил

его до приличной фабрики, выдержал жестокую борьбу с бандитами, которых опекали правоохранители, взялся строить храм и, наконец, не оставляя остальных дел, вернулся к увлечению своей молодости — к фотографии. При этом стал таким мастером, что его снимки начали печатать журналы, а самого Сашу Маркелова приглашают представители разных стран, чтобы он прославил их пейзажи.

Но я ушёл слишком далеко вперёд от купленного в деревне дома. О земле пока речь не шла. Я знал, что в Советском Союзе земля в частной собственности быть не могла. Она являлась или колхозной, или совхозной. Даже приусадебные участки, на которых семьи сельских жителей из поколения в поколение сажали сады и огороды, находились у них в пользовании. Ушёл из колхоза-совхоза, дом можешь продать, а землю верни. Кому, зачем — это никого не интересовало.

“Деревня”, где я купил домик, оказалась селом Слотино. К нему я ещё не раз вернусь — уж очень оно интересно, а сейчас — о начале строительства.

Строиться в то время, а это шёл 1987 год, было большой-большой проблемой. Я завёл внушительную общую тетрадь, где стал записывать: за перевоз брёвен — три пол-литра, за привоз земли — два пол-литра и так далее. Ведь надо было найти материалы, найти исполнителей. В общем, колупался-колупался, но потом товарищи, знакомые, друзья стали помогать, и у меня дело пошло. Правда, на то, чтобы дом приобрёл нынешний вид, потребовались многие годы. На фронтоне дома, обращённом в сад, в кирпичной кладке выложены цифры: 1987–1999. Последняя дата показывает, когда дом из бруса был обложен кирпичом. А после этого столько ещё надо было сделать!

Село Слотино очень необычное, даже место необычное. Оно расположено среди холмов, впадин, оврагов Клинско-Дмитровской гряды, которая, в свою очередь, является частью Московской возвышенности. Автомагистраль Ярославль–Москва как раз пересекает южную часть гряды. Места здесь красивые и самой природой “сделаны” для горнолыжного отдыха. В Дмитровском районе, на склонах глубоких оврагов уже построены спортивные базы.

Вот в одном из таких красивых мест лет шестьсот назад, — а есть основания полагать, что ещё раньше, — возникло селенные Слотино. Одна из версий его названия означает “небольшое, вязкое болото”. Есть ещё одно объяснение: местность с родниками и крутыми берегами. Насчёт болот сегодня проблематично — одно маленькое за селом есть, а больше нигде не встречал. А вот второе толкование — в самый раз. Речушки и ручейки по оврагам как раз родниками и питаются. Два родника находятся совсем близко от села. С одному надо идти через небольшое совхозное поле. Родник выходит на поверхность в лесу возле края поля. Вода бежит ручьём в давно запруженную речку, образовавшую большой водоём. Сейчас тут частное охотхозяйство. Берега ручья обрывистые. Люди туда ходят редко.

А вот второй родник — прямо у дороги от “бетонки” к селу. Когда я здесь поселился, им, по рассказам местных жителей, пользовались мало. В селе было несколько колодцев с хорошей водой. Зато сейчас, чтобы набрать несколько бутылей родниковой воды, — а с меньшим количеством “тары” никто не ездит, — иногда приходится выстоять очередь. Срабатывает легендарность родника. Будто бы вода сюда какими-то неведомыми подземными путями приходит от знаменитого источника “Гремячий ключ”, находящегося, если по прямой, километрах в пяти от села.

Об источнике “Гремячий ключ” надо сказать особо. Как уверяет церковная информация, льющийся с горы в глубокий овраг водопад открыл во время одного из своих странствий Сергей Радонежский. Говорят, вода целебная, поскольку содержит радон. Не знаю, насколько это верно, но я дважды сдавал воду на анализ в лаборатории. Оценки были высокие. Не помню деталей, но одно известно: вода из нашего родника совершенно не оставляет накипи в чайнике, в то время как вода из колодца, тоже прекрасная на вкус, покрывает дно чайника белым налётом кальция.

Именно вера людей в целебность источника, открытого Святым Сергием, не одно столетие притягивает сюда паломников. Считалось, что очень полезно не только напиток благодатной воды, но и совершить, как говорится, омоложение. Самые рукастые из паломников, как могли, обустроили святое место. Представьте себе: с вершины холма, с высоты метров пятидесяти, по склону бегут нескончаемые потоки из четырёх родников. Три струи не очень сильные,

а четвёртая, по словам моего односельчанина Владимира Александровича Чеканова, могла сбить с ног. Ему 61 год. Он вырос в деревне Ляпино, которая рядом с источником. Пацанами всё время пропадали там. Говорит, никаких загородок вроде купален – кабинок, которые уже увидел я, – тогда не было. Люди раздевались возле струй, становились под них, где самые стойкие могли выдержать ледяной водопад, в лучшем случае, минуту.

Так было раньше. Я уже застал некоторые перемены. На разных уровнях из простых жердей огородили кабинки: отдельно женская, отдельно мужская. Из обычных брёвен была сделана лестница с перилами из лесин. В каждую кабинку течёт своя, отдельная струя. Вода даже жарким летом холодная. Как говорят знатоки, не больше 6 градусов.

Вот таким я увидел “Гремячий ключ” вскоре после того, как начал строить дом в Слотине. Ездил туда с женой Людмилой, с друзьями. А едва ли не самым первым моим попутчиком к водопаду был сын Андрей. Поездка могла бы не врубиться в память, если бы не ситуация с Андреем.

Однажды я встретил его с московской электрички в Сергиевом Посаде. Глажу: глаз заплыл, красный и даже не открывается. А мы уже собрались ехать к водопаду. Приехали, сразу поднялись по крутой лестнице к вершине холма. К тому месту, откуда били ключи. Я говорю Андрею: “Помой глаз холодной водой. Может, полегчает”. Он помыл, сам умылся, и мы о чём-то заговорили. Прошло минуты две. Вдруг Андрей восклицает: “Пап, у меня всё прошло!” Глажу: глаз нормальный, сын смотрит и смеётся. Что помогло? Холод воды или её целебность – не знаю. Ведь до этого он глаз пытался промыть.

Сегодня обустройство и самого источника, и территории рядом совсем иное. Наверх, к четырём ключам построена комфортная лестница. Да и всё здесь носит отпечаток комфорта. Большая купальня, где могут плавать и нырять сразу несколько человек. Вода сюда падает с горы, а потом в бурливо журчащую внизу речушку Вондюга. Берега её, как и положено, обрывистые. Поблизости от берега русские предприниматели, кажется, ещё в 90-е годы построили деревянную церковь. Какие-то негодяи сожгли её. Не знаю, нашли мерзавцев или нет, а надо бы, и наказать сурово, как это сделали бы мусульмане за поджог мечети. Питерские ребята построили новую церковь, и тоже из дерева. Вообще здесь всё деревянное и всё комфортное. Мостки и тротуары от источника до стоянки машин, а их сюда прибывают сотни, часовенка, где можно помолиться. Трапезная с монастырскими блюдами. Единственно, что не деревянное, построенная, наконец, дорога – ещё недавно машины здесь вязли в грязи. Всё благоустраивается. Это хорошо, но немного грустно. Когда было по-простому, людьми двигало желание – через испытание трудностями, неуютом прикоснуться к святому. Сейчас побывать здесь – для многих – просто съездить в турпоездку. Хотя, может, я и не прав...

Среди оврагов и ручьёв

Теперь о Слотинé. Клинско-Дмитровская гряда даёт о себе знать ещё при подъезде к селу. “Бетонка”, идущая по краю Московской области, заходящая во Владимирскую и Калужскую области, строилась в пятидесятые-шестидесятые годы XX века как военно-стратегическая. У неё до сих пор есть ровные, прямые участки. Это чтобы, в случае необходимости, могли садиться военные самолёты. И дорожное покрытие местами состоит из нескольких бетонных плит, как слоёный пирог: нужно выдержать многотонные тягачи с межконтинентальными ракетами, ибо дорога входила в кольцо противовоздушной обороны Москвы. Сейчас, полагаю, “бетонка” часть своих задач потеряла. Современные ракеты долетят из Польши, Румынии и, не дай Бог, с Украины за считанные минуты. Они спялят нас, мы их, дураков, сожжём дотла под смех американцев и улыбки наблюдающих с холма китайцев. Но хочется надеяться, что разум никому не доставит такого удовольствия.

А “бетонка” будет служить ещё одной транспортной магистралью, перехватывающей многотонные фуры за десятки километров от Москвы. Правда, спуски и подъёмы Клинско-Дмитровской гряды делают жизнь прилегающих к дороге сёл и деревень напряжённой от шума. Значительно ослабленный, он доходит до Слотина, хотя, когда я начал здесь строиться, тишина была, аж уши закладывало. Проходило немного малотоннажных грузовых машин, ещё меньше легковых. Сейчас дорога забита фурами. Недавно на “бетонке”

поставили указатель, что до нас расстояние 1,8 километра. Но поскольку Слотино расположено, как седло на горбе верблюда, то тем, кто за “горбом”, вообще ничего не слышно.

И вот тут я подошёл к описанию слотинской местности. Представьте себе неглубокую, обширную впадину, в дальнем конце которой поднимается тот самый “горб”. По нему, снизу до вершины, где стоит церковь, идут два ряда изб. Здесь их раза в четыре больше, чем на другой стороне “горба”. От Ярославского шоссе, проходящего над “бетонкой”, до поворота к нам всего около семи километров. Но на этом небольшом отрезке – несколько холмов и впадин. Кое-где впадины “приподнимали”, когда строили дорогу. Однако всё равно овраги остаются глубокими. Два из них пересекают “бетонку” сразу за поворотом к нам. Причём, по дну одного из них течёт та самая речка Вондюга, которую наполняют родники “Гремячего ключа”. Сливаясь с другими речками и ручьями родников, наша “землячка” впадает в Оку, а та, как известно, в Волгу.

Воды в окрестностях Слотина хватает. Метрах в двадцати ниже родника, который выходит рядом с дорогой к селу и о котором я уже говорил, течёт речка Карповка. Не речка даже, скорее, ручей. Но весной он так вздувается, что дважды размывал мост. Поэтому легко верилось рассказам старожилов, что за последними домами села до сих пор есть болотце, из которого тихо струилась почти невидимая речушка. Она заполняла тоже невидимые ямы – бочаги. Но весной сюда стекались с возвышенных краёв впадины ручьи, активно подключались родники, и всю низину заполняла вода. Да так много, что люди катались на лодках. Место это называлось “Гусли”. Почему, мне толком так никто и не объяснил. Может, сказала староста Евдокия Ивановна Чернега, потому что в половодье здесь много веселились. Правда, по словам Чеканова, был и грустный момент. В одном из невидимых бочагов утонула девочка.

Слотино интересно тем, что на протяжении столетий оставалось примерно в одном размере: 40–50 домов. Евдокия Ивановна, с её потрясающей памятью, как-то составила мне список всех, кто где жил и где чьи дома стояли. Теперь от некоторых из этих изб не осталось никаких следов. Даже промышленные строения посчитала: в Слотине хорошая гончарная глина. Если нужно печку обмазать или потребовалось, как мне, камин сложить, глину берут рядом. Также и на гончарных кругах работали: в своём сарае, со своей глиной. Всех вроде посчитала Чернега – всё равно выходило в районе 40 домов.

Как убрать бесправье горожанина в деревне

А вот жители обновляются. И помогла этому отмена запрета покупать в деревне дома с землёй. Конечно, горожане и раньше использовали приусадебные участки купленного дома. Но таких везунчиков было мало. Едва горожанин, на взгляд председателя колхоза, слишком “задирает нос”, как тут же возникает угроза “обрезать под углы”. Это значило, что владельцу дома оставляли от выпестованного им приусадебного участка тропинку от калитки до дома и от дома до туалета. Остальное обрезалось “под углы дома”. Земля зарастала бурьяном, ибо никто не мог ею воспользоваться. А председатель ходил героем: на его стороне закон. Я помню, как нам с моим ярославским другом Лёвой Матвеевым приходилось ублажать председателя колхоза, где Матвеев, с моей помощью, купил в деревне дом. И поили-то мы его, и писал я в газете про дела его хозяйства, дарили “бутылки”, когда трудно было достать спиртное. Лёвина жена Люся чуть ли не падала от усталости – после работы инженером на шинном заводе до темноты лелеяла деревенский участок, – всё для того, чтобы земля была ухожена. А председатель, приезжая к ним в гости, “валял ваньку”: помните, я ваш благодетель. И меня всегда возмущал этот запрет. Неужели стране лучше, чтобы люди в свободное время сидели в железобетонных коробках, а не дышали свежим воздухом в деревне и не трудились на благо семьи?

Слотино тоже не обошла эта “война города и деревни”. Соседний, справа от меня, дом когда-то купила семья горожан. Видимо, поначалу отношения местной власти и “дачников” (так с отчуждением называют некоторые сельские жители “деревенских горожан”) были неплохие. Но потом что-то произошло. И небольшой участок, по-моему, в 10 соток, где женщина выращивала цветы,

огурцы, разную зелень, обрезали “под углы”. Я сам видел документ прокуратуры на этот счёт. Владелец дома так и умер, не дождавшись права пользоваться землёй.

Как уже говорилось, после перевода в Москву я стал заместителем редактора “Известий” по отделу Советов. Редактором был Юрий Васильевич Феофанов – в своё время известный журналист, писавший на правовые темы. Это был человек без возраста. Среднего роста, плотный телом, с полным лицом, из-за чего на нём было мало морщин, и до блеска бритой головой. Опять же, отсутствие волос мешало определить возраст. Он любил повторять какую-то классическую цитату типа “Закон суров, но это закон”. Когда кто-нибудь возмущался какой-то узаконенной несуразностью жизни, Феофанов говорил: “Пока закон не отменён законным путём, нельзя нарушать его”. Когда зимой 91-го года трица паскудников разрушила Советский Союз, я спросил Феофанова, который приветствовал Беловежский сговор, как же это так? На референдуме большинство граждан страны высказались за сохранение Союза; воля народа есть высший закон, а они этот закон нарушили. Выходит, они преступники. Феофанов на это заявил: “Ну что ж, бывает необходимость пренебречь законом”. Такая вот принципиальность была у него.

Однажды в наш отдел пришла корреспонденция собкора “Известий” по Смоленской области Вадима Летова. Вадим был хороший журналист, писал интересно. Впоследствии уехал в Израиль. А в тот раз он описал конфликт горожанина-дачника с председателем местного колхоза. Горожанин купил дом в одной деревне, и председатель поначалу разрешил ему пользоваться приусадебным участком.

Мужчина навозил плодородной земли, посадил сад, сделал дорожки. В общем, вложил. И вдруг по какой-то причине у них случилась ссора. Дальше – больше. Председатель “закусил удила”. Подключил прокурора. Землю обрезали “под углы”. Горожанин стал сопротивляться, припомнил, чем одаривал председателя. Однажды ночью дом сгорел.

Мы напечатали эту корреспонденцию. Пришла масса писем. В буквальном смысле мешок из крафт-бумаги. У меня у самого такое было, когда я написал статью из Казахстана под названием “Паутина”, где рассказывал, как ректор одного института за взятки принимал в студенты молодых людей своего жуза (жуз – это казахский род) с уровнем знаний за 7-8 класс. Тогда в “Известия” пришло полтора мешка писем.

А здесь письма шли не только из Смоленска. Со всей страны. Было ясно: проблема государственная. В том числе, моя личная. Дом-то я купил, а земли официально не имел. Спасибо, директор племптицезавода “Смена”, на чьей территории было Слотино, Лев Ипполитович Тучемский подсказал заключить договор с хозяйством о том, что я буду выращивать корма, то есть сено, а за это мне отводился участок. Кстати, по той же схеме получил землю и мой друг по охотничье-рыболовной компании, “известинский” фельетонист Владимир Дмитриевич Надеин, с которым мы поселились в Слотине. А корма что было не выращивать? Отличная трава росла прямо на задах участка: приезжай и коси.

Про Льва Ипполитовича – особый разговор. Нынешние властители, большие и маленькие, то и дело трюндят о том, что до них в Советском Союзе и промышленности не было, и толковых хозяйственных руководителей не существовало. Когда каждый из них был, как говорится, сам никто и звать никак, Тучемский уже был фигурой европейского масштаба. Он возглавлял один из лучших в Европе племптицезавод “Смена”, где выращивались элитные породы кур, которые расходились потом по многим хозяйствам.

Но не одними курами славилась “Смена”. Тучемский собрал, купив за границу, большое стадо высокоудойных коров, и каждое утро в московские магазины уезжали сверкающие цистерны с молоком. А какой посёлок Березняки, где была центральная усадьба, сделал Лев Ипполитович! Жилые дома не только этажные, но и коттеджные, магазины, поликлиника, аллеи и цветники. Всё там было: и детский сад, и школа, и Дом культуры, и свой зоопарк, и забава для детей – катание на лошадях.

Однако вернусь к откликам на корреспонденцию Вадима Летова. На мой взгляд, появился шанс громко сказать о гучей проблеме, затрагивающей интересы если не миллионов, то сотен тысяч людей. Я решил, что надо опубликовать большую подборку писем. Говорю об этом Феофанову. Он меня,

прищурившись, спрашивает: “Зачем?” У него была привычка: прищурит и без того маленькие глазки, взгляд становится усмешливый, как будто он наперёд знает всё, что ему скажут. Ну, я, горячась, начинаю рассказывать, как важно отменить этот, прямо говоря, антинародный закон. “Дадим большую подборку, я сам её подготовлю, прочитает Горбачёв, поручит разобраться”. На счёт Горбачёва Феофанов не ожидал. Прищур приоткрыл, усмешка осталась. “Ты что, Слава! Будет тебе Горбачёв читать! Ему кладут столько бумаг”. Я не отступаю. “Если напечатаем, может быть, прочитает. А не опубликуем, конечно, не прочитает”.

В “Известиях” редактор отдела – значительная фигура. Его решение может отменить только главный редактор, даже не все заместители. А Феофанов возглавлял ведущий отдел, к тому же был человек с именем. Поэтому я понимал: улаживать надо его. А он чего-то боялся. Ясно, чего, – не поднимать бы опасную волну. Каменные люди в Политбюро могли зарычать: это что же? Предлагается отменить фундаментальный закон, запрещающий продавать землю в частные руки?

Я выискивал разные способы повлиять на Феофанова. На одной из ближайших “летучек” вспомнил корреспонденцию Летова и сказал, что идёт обвальная волна писем. Приводил Феофанову примеры из жизни, говорил: вот вы захотите купить дом в деревне, а земли вам не дадут. Он щурил глаза, почти смыкая веки, и насмешливо парировал: “У меня, как ты знаешь, хорошая “известинская дача”. Мне было видно: побаивается человек. Сейчас он член редколлегии “второй” газеты страны (хотя многие считали её по влиянию на общество первой, важнее “Правды”), а случись что, все блага отнимут. С другой стороны, он, чувствую, понимал: есть интересы огромного количества людей и есть несовершенный закон. А тут ещё я наступал: “Чего вы боитесь, Юрий Васильевич? Ведь вы же были на фронте разведчиком... смелым человеком были – вон сколько наград!” Он хмурился: “Тогда, Слава, было другое время”

А я уже подготовил подборку. Однажды Феофанов, прищурившись, сказал: “Ну-ка, чего ты там написал?” Юрий Васильевич убрал пару резких, на его взгляд, фраз из писем и сдал материал в секретариат. Без всяких трений обзор писем был напечатан. А через какое-то время случилось невероятное. В редакции стало известно, что правительство Российской Федерации, опираясь на принятые поправки в закон, разрешило горожанам покупать дома в деревне вместе с приусадебными участками. Была прописана процедура оформления земли в собственность. А вскоре разрешили покупать уже не дома, а фундаменты их, ибо было ясно, что людям нужна земля, чтобы строить новый дом. Запрет, существовавший много десятилетий, был отменён. После этого друзья стали шутить: тебе, старик, тысячи людей должны каждое утро наливать... Правда, здесь мнения расходились. Одни говорили, что наливать должны 100 граммов водки, другие – стакан хорошего чая. Но я сам купил пол-литра водки, и мы выпили её втроём: Игорь Карпенко, мой друг по охотничье-рыболовной компании, который через некоторое время стал редактором отдела Советов, и Юрий Васильевич Феофанов, бывший детдомовец, в 18 лет ушедший на фронт и долгие годы проработавший в “Известиях”. Ему дали возможность заниматься любимым делом. При газете создали журнал “Закон”, где Феофанов стал главным редактором.

В тот раз, выпивая, а он это дело весьма уважал, Юрий Васильевич, как всегда, прищурил глазки и хитровато проговорил: “Ну, и настырный у тебя друг, Игорь”. Карпенко – малословный, сильный мужчина – кивнул: “Мы знаем. В редакции говорят, если Щепоткин захочет, он слона за хобот к себе на пятый этаж приведет”.

Сельские горожане

В Слотине раньше меня появились только две семьи горожан. Первой – семья Кофтовых: Леонида Георгиевича, Тамары Викторовны и их ещё юного сына. Дом они получили в подарок в 1981 году от работника Загорского горисполкома Евгения Фёдоровича Маркина. Маркин жил в городе, имел дачу и дом, который после смерти матери стал ему не нужен. А за некоторое время до того он подружился с Кофтовым. Леонид Георгиевич был коммуникабельным человеком, из семьи заместителя сталинского наркома. Да и сам

занимал приличную по тому времени должность – заместитель генерального директора Всесоюзного объединения “Внешторгиздат”. В советские годы руководители подобных структур, как правило, имели тесные контакты с КГБ, а то и сами были в званиях. Но, как бы то ни было, дом Кофтовы получили, а земля им была совсем не нужна. “Приедем на Первое мая, – вспоминает Тамара Викторовна, – шашлыки, музыка... Побыли и уехали”. За лето они появлялись в Слотине раза три–четыре. Отдыхали не здесь, а в основном на море и за границей.

Однако земля всё-таки привлекла внимание Кофтовых. После отмены закона они выкупили участок, взялись за посадки деревьев, кустарников. Позднее появился даже парник. Сейчас за насаждениями ухаживает Тамара Викторовна – муж несколько лет назад умер. Немолодая женщина, где сама, где с помощью соседней стрижёт ёлочки, приглашает работника прорезивать кустарники, обрезать виноград, стричь траву. Жить в Слотине ей нравится.

Только очень скучает по самой дорогой своей подруге Лилии Александровне Смирновой, которой не стало несколько лет назад. Их всё время видели вместе, Лилия Александровна была тоже горожанкой. Но выросла здесь, в Слотине. Она мне рассказывала про начальную школу – небольшой деревянный дом, который стоял на краю пруда между берёз рядом с церковью. А в пруду купалась детвора.

Сначала Лилия Александровна часто приезжала из города в родное село. Потом насовсем переехала сюда. Домик её тоже на берегу пруда, только с другой стороны от места бывшей школы. Сейчас в нём хозяйкой её внучка Варя – наша активная староста. Сзади большого участка выстроен чуть ли не замок. В нём живёт дочь Лилии Александровны Светлана с мужем Эдуардом Галлямовым. Он известный хирург, профессор.

А Тамара Викторовна ходит теперь в лес одна. И вспоминает дорогу по-другому.

А через год, в 1982-м, здесь появилась вторая семья горожан. Недавний пенсионер, а до этого классный токарь одного из московских заводов Иван Андреевич Покровский попросил родственника, который имел дачку в кооперативе за “бетонкой”, напротив поворота к Слотину, поискать место где-нибудь у соседей, чтобы пережить лето старшей дочери с мужем и их сынишкой. У соседей ничего не оказалось. Тогда родственник сходил в Слотино, до которого было рукой подать. Там ему показали домик, где жил одинокий старик. Он согласился пустить москвичей. Так семья Покровских – Иван Андреевич, жена Татьяна Михайловна, две старшие дочери с мужьями и незамужняя младшая поселились у старика Василия Ивановича. Осенью одинокий старик попросил главу семейства взять его на зиму в Москву – очень тяжело ему стало жить в селе. А 31 декабря Василий Иванович умер, завещав деревенский дом Ивану Андреевичу. Большая семья сразу стала использовать приусадебный участок. Но сажали, растили, обихаживали с оглядкой: на дом документы были, на землю – нет. И только с отменой запрета оформили всё чин по чину. Теперь уже владеет землёй следующее поколение “деревенских горожан” – Цыбиковы.

С Владимиром Дмитриевичем Надеиным мы поселились в Слотине почти одновременно. Я немного раньше, поскольку искал два места. Сначала предлагал ему селиться в разных деревнях. Но недалеко друг от друга. “Будем, как помешки, ездить в гости”. Он категорически отказывался: “Давай в одном месте”. Так как я выбрал Слотино, стал искать дом здесь. Увидел избушку за маленьким сельским кладбищем. Помню, мы стояли на задах села. За спиной – за деревьями кладбища, за церковью, за домами села – садилось солнце. Тень накрывала нас, а ближайший лесок ещё доставали последние лучи. И вдруг, как по команде, в разных кустах, ближних и дальних, разом защёлкали соловьи, Надеин встрепенулся, повёл взглядом перед собой. “Славка, какая красота! Вот где жить...” – “А умерев, лежать рядом”, – сказал я.

Но место не понравилось Володиной жене Ольге (у него три Ольги: жена, дочь и внучка). Она врач и, думаю, справедливо отреагировала: вы что, ребята! Разве можно бурить скважину или рыть колодец неподалёку от могил? И я нашёл им место, где когда-то стоял чей-то дом. Оно оказалось почти напротив меня. Всего лишь на другой стороне улицы. От калитки до калитки 40 шагов. Однако мы иногда по полгода не бывали друг у друга.

А потом началось бурное “освоение” Слотина новыми горожанами. В 1994 году в селе высадили целый десант железнодорожников – шесть человек из депо Москва-Киевская. Кто-то из них случайно заехал в Слотино. Место понравилось красотой, необычным рельефом. Сразу стали покупать кто домик, кто остатки от него, а Сергей Иванович Плахов, бывший тогда заместителем начальника депо, просто купил небольшой участок земли, где когда-то была изба. Он заказал проект, остальные стали строить, как подсказывала фантазия. Все вместе начали закупать материалы: бетон, брус, кирпич – так выходило дешевле. И уже через два года – в 1996-м – заселились.

Обустроивали участки в соответствии со своими вкусами. Один засадил половину территории соснами, другой привёз откуда-то, как ему сказали, редкие яблони. А Плахов, за участком которого была горловинка оврага, куда жители набрасывали мусор и откуда весной неслись потоки воды, прикупил эту землю, облагородил её, вырыл пруд, а на берегу построил ветряную мельницу. Декоративную, но по размерам – как настоящая. Теперь въезд в Слотино встречает дом с мельницей. Как в Голландии.

Впрочем, для села Сергей Иванович сделал очень нужную работу. Я говорил, что с горы в овражек весной и в дожди неслись потоки воды, размывая и без того никудышную дорогу. Плахов построил водоотводные канавы и проложил под дорогой трубы.

Почти одновременно с железнодорожниками в селе появилась семья Латышевых – Игорь Иванович и Наталья Валерьевна. Оба имели востребованные в советское время профессии. Игорь – физик-ядерщик, Наталья – инженер-программист. Но в начале 90-х всё развалилось. Жить стало не на что, а в семье ещё двухлетняя дочь. Игорь, по примеру других жертв развала, создал торговую фирму и начал возить продукты, соки, водку. Наталья, как оказалось, способный дизайнер, стала работать с сирийской компанией и создавать рисунки для гобеленовых тканей.

В Слотине они оказались случайно и сразу влюбились в эти места. Купили землю, где не было никаких строений. В 1996 году построили свой дом. Недавно расшарили его: выросла семья. Сын Даниил уже студент, дочь Олеся вышла замуж за немца из ФРГ и не поймёшь, где они больше живут: в Германии или в России. Год назад Латышевы стали дедом и бабушкой. Внучку крестили в нашей церкви. Кстати, и зять Доминик тоже крещён у нас: стал православным.

Недавно я спросил Наталью, что для тебя Слотино? Она сказала, не задумываясь: “Как ответить на вопрос, что для меня мать? Я люблю Слотино, я здесь дома, я не хочу отсюда уезжать”.

На самой вершине “горба”, или, если хотите, холма, выросшего у дальнего края обширной котловины, в лучшем месте села, метрах в ста от церкви стоял дом Ивана Никитича Малышева. Дом из старых, звенящих от возраста сосен, срубленных в окрестных дремучих лесах, как положено, зимой, когда прекращается сокодвижение. Тёплому, хорошо проконопаченному дому, чему я всегда завидовал, сейчас больше ста лет. А завидовал потому, что наняв местного жителя конопатить мой дом, получил только переживания. Поработав немного, он запил и бросил дело. Поэтому я, по-горьковски, выпивающих уважаю, но алкоголиков ненавижу. Их надо отправлять на принудительное лечение. Малышевский же дом, сразу видно, делали настоящие мастера. И вот эту историческую реликвию в 2000 году купил бывший инженер-геодезист 35-летний Сергей Николаевич Чистяков. В советском прошлом он изъездил с экспедициями Союз, потом Россию, её Крайний Север. Работал в Норильске, Уренгое, прошёл Ямальскую тундру. Когда новой власти стали не нужны ни геологи, ни геодезисты, Сергей Николаевич ушёл в бизнес. На паях купил помещение, открыл там магазин. Потом стал помещение сдавать в аренду. Этим и живёт.

А купив малышевский дом, не стал его ни ломать, ни перестраивать. На задах большого участка – у Ивана Никитича было 30 соток земли – построил новый дом. Старый обустроивал не спеша, основное время отдавал земле.

Я много лет, думая о доме в деревне с землёй, невольно наблюдал за жизнью дачников с разрешёнными шестью сотками. Слышал нередкие жалобы, злые слова о том, как приходится там “вкалывать и горбатиться”. Но стоило мне сказать: тогда, мол, брось эту землю, если на ней так тяжело, как в ответ получал поток гневной отповеди. Мне говорили, что я не способен увидеть

счастья, как растёт огурец, не умею радоваться выращенной твоими руками яблоньке, а цветы, цветы! Вот где красота! И вообще, если бы имел землю, то знал бы, как она облагораживает.

Теперь я знаю, как облагораживает земля, как она расширяет кругозор человека. Ни одна женщина-горожанка из получивших землю в Слотине никогда раньше землёй не занималась. А сейчас попробуйте хоть часть участка у неё отобрать! Глаза, наверное, не выцарапает, но плохих слов наговорит. И не отдаст. Можно ли было предположить, что Ольга Владимировна Губенко – дочь Володи Надеина, врач-кардиолог – станет садоводом-селекционером, а входившие в её кабинет в клинике пациенты первые взгляды бросали на прекрасные, выращенные ею цветы и лишь потом на симпатичного доктора. Сейчас Ольга Владимировна ушла на пенсию и поселилась в Слотине.

А цветы – это страсть, пожалуй, всех слотинских горожанок. Однако, как говорится, и среди исключений есть исключения. Надо увидеть, как пестует свои цветы Наталья Латышева, чтобы задуматься, что ближе её страстной душе: огородное изобилие или клумбовый разноцвет.

Про свою Людмилу мне даже говорить неловко. Я в саду-огороде – гость, она – душевная хозяйка. Иногда слышу, с кем-то негромко говорит. Затем вдруг начинает шептать. Было время – настораживался. Потом увидел и услышал: говорит с огурцами-помидорами, шепчет цветам. И сама расцветает рядом с ними.

А ведь до Слотина на земле почти не работала. У родителей была дачка на шести сотках, куда приезжала отдыхать. Родители у Людмилы – уникальные люди. Отец Николай Алексеевич воевал на Дальнем Востоке с японцами. Был авиационным техником. Вернувшись в Москву, поступил работать в Центральный институт авиационного моторостроения имени Баранова. Там же, когда женился, стала работать и жена – Галина Давыдовна. Человек немногословный, требовательный, Николай Алексеевич вскоре стал бригадиром и проработал в этой должности не один десяток лет. За труд был награждён орденом Ленина. Кстати, и сын их, брат Людмилы – Сергей – тоже пошёл работать в ЦИАМ. А Людмила Николаевна с первых же приездов в Слотину полюбила здешнюю красоту и стала всё более увлечённо работать с землёй. Сейчас очень скучает, когда несколько дней не видит дома и ухоженного участка.

Земля облагораживает, чем бы на ней ни занимались. Сергей Чистяков и жена его Маша решили вдруг стать фермерами. Сначала держали кроликов, а потом осмелились растить свинью. Всё можно купить в магазине, но своё – оно и есть своё.

Сейчас полностью перешли на огородничество. И грибной лесок создали на участке. Сергей на задах посадил сосны, под ними стали расти маслята. Бывает год, когда удаётся намариновать банку-другую собственных грибов.

Вот что такое дом в деревне с землёй.

Глава 6

Как возвращали народу храм

Евдокия Ивановна Чернега из той породы советских людей, которым до всего есть дело. Одному надо сделать замечание, что неправильно поставил забор, другого отругала за то, что загородил часть общественного пруда, третьему сделала выговор за перекопанный прогон. Прогонов в селе было два. Они пересекали главную улицу – дорогу, чтобы совхозная техника могла переезжать с одних полей, которое справа от села, на другие поля, что слева или впереди.

Евдокия Ивановна, маленькая, сухонькая старушка, которую я почти никогда не видел без платка. Из-под платка виднелись черные, как смола, волосы с редкой-редкой сединой. В сочетании с тёмной одеждой всё это как-то увязывалось с фамилией Чернега.

Евдокия Ивановна много лет, благодаря своей активности, избиралась депутатом сельского Совета. Когда я поселился в селе, она уже не была депутатом. Но считалась старостой. Причём считалась по линии сельсовета, а в Слотине её знали как активную, шустрю бабку.

Жила она почти напротив храма – красивой церкви. Надо сказать, этот храм Иоанна Богослова был первое, что я увидел, когда поднялся из карьера между “бетонкой” и дорогой к Слотину; церковь стояла, казалось, прямо

среди дороги. Кстати, так оно и вышло: дорога упиралась в храм и тут расходилась надвое. Перед храмом была площадка. В то время, даже в дни церковной службы она пустовала. Сейчас не хватает места для машин.

О названии церкви я узнал несколько позднее. Причём в интересной ситуации. Я очень люблю историю и везде, где бываю, стараюсь зайти в какой-нибудь местный краеведческий музей или поговорить со стариками.

Так, например, я восстановил в памяти события периода Сталинградской битвы, когда наша семья с тысячами других, не сумев подойти к пылающей Волге, чтобы переправиться на другой берег, — горел мазут и керосин, — побежала к Дону, а через него — по понтонному мосту. Мы, я имею в виду моя мама, бабушка, тётка, родная сестра матери, её сын, мой двоюродный брат Вовка — ему было два с половиной, а мне — три с половиной года. По мосту двигалась плотно сжатая, живая лента людей. Все шли с левого, пологого берега на правый гористый. И вдруг налетели немецкие самолёты. Сначала с одной стороны моста поднялся белый столб воды, потом с другой — белый столб воды, а потом бомба попала в мост. И какие душераздирающие вопли, крики, визг после этого! А мы уже поднимались в людской ленте по тропинке вверх, в степь. И тут я впервые увидел живых немцев на мотоциклах, грязных, запыхлённых, но уверенных в себе.

Всё это, конечно, осталось в памяти. Но где было точное место, я узнал, лишь когда приехал в город Калач-на-Дону корреспондентом “Волгоградской правды”. Поговорил со стариками, и они мне показали, где это было. Так что для меня интересоваться историей — нормальное дело.

Поэтому однажды я зашёл в Троице-Сергиеву лавру, где размещался Загорский историко-художественный музей. Тогда ещё была советская власть, ещё город был Загорск. Ходил из комнаты, в комнату, из кельи в келью, смотрел карету Елизаветы Петровны, которая бывала когда-то в Слотине, поднимался то в одну, то в другую келью. Смотрел старинные одежды, иконы. И уже собираясь уходить, подумал: дай-ка зайду в последнюю келью. Поднялся по нескольким ступеням, вошёл... даже не вошёл ещё, встал на пороге комнаты, поражённый. С дальней стены лился какой-то розово-апельсиновый свет. Я остановился, думаю: какая красота! Подошёл и читаю надпись: икона из храма Иоанна Богослова села Слотино.

Вот так я узнал, что храм имеет имя Иоанна Богослова, что эту икону спасли работники музея, когда в 1961 году вторую антицерковную кампанию развернул Хрущёв. Церковь снова закрыли, разграбили. Большинство икон свезли в ближайший овраг и там сожгли. А жители Слотина и окрестных деревень брали, кто что мог.

Мне рассказывала Евдокия Ивановна такую историю. Особенно ретивы в этом разграблении были два мужика. Оба из деревни Ботово. Один даже сбросил колокол на землю, другой прихватил рулон какой-то ткани. Довольные, пошли по домам. К тому, который сбросил колокол, через две недели пришли домой. Он лежал мёртвый и уже начинал разлагаться. Мужчина жил один, и никто к нему не приходил. А второй вроде бы почти дошёл до деревни, а там есть место, называется “Кустики” — пруд, а вокруг камыши и кусты. Погода была хорошая, ясное небо. Вдруг на этом небе появляется одинокая тучка. Она идёт, и неожиданно из неё — единственная молния. И бьёт в этого мужика. Он падает замертво. Вот такую историю рассказала мне Евдокия Ивановна.

Однако поначалу мне было не до храма. Я начал строиться, а в советское время это было, как я уже говорил, очень непростое дело. Но всё же, выбрав время, однажды зашёл в храм. Вернее, сначала обошёл его.

Первое, что было видно, как говорится, невооружённым взглядом, — церковь стояла брошенная. Ограды вокруг не было. Лишь кое-где в ямках виднелись следы битого кирпича. Как я выяснил позднее, кирпичное основание ограды растащили местные жители, что-то для своих нужд взял местный племптицецезавод “Смена”, который все называли совхозом. Крыша, слава Богу, была, купол — тоже, но краска давно облезла, железо сильно проржавело. На главном куполе не было креста. Когда я открыл двери и осмотрелся, оказалось, подняться на колокольню нельзя было и думать: все ступени лестницы сгнили.

Я вошёл внутрь помещения, в так называемый главный придел, где обычно идёт церковная служба. На красивом мозаичном полу лежала большая

куча травяной муки. А за ней был иконостас, видимо, также, как пол, старой работы. Пустые глазницы вместо икон вызывали жалость. И снова остро захотелось всё это вернуть к жизни.

Во время очередной встречи с Геннадием Филипповичем Поповым я завёл такой разговор. Что мы, говорю, за люди — русский народ? В какой-нибудь Литве или Польше какой-нибудь князёк даже не битву выиграл, не храм построил, всего лишь пописал где-то, как говорится, нужду справил, и там ему потомки ставят отметину. Здесь был наш великий. . . Памятник не всегда, а мемориальную доску повесят. “У нас память так старательно отшибали, — сказал Попов, — что мы дальше дедов редко кого помним”. “Да, вы правы, — соглашаюсь я. — Но иногда не надо больших усилий, не надо преодолевать преграды. Вот рядом с Загорском село Деулино. А многие ли знают, чем оно знаменито в нашей истории?” Попов улыбнулся: “Немногие, но знают. Деулинское соглашение”. “Вот именно! Деулинское соглашение с Польшей. По сути дела, им закончилось Смутное время на Руси. А какая-нибудь отметина об этом есть? Или вот село Слотино, где я благодаря вам купил дом и сейчас строю новый. Там есть хорошая церковь. Стоит, бедолага, с выбитыми окнами, внутри закопчённая. Туда завезли для временного хранения травяную муку, а она легко загорается. Конечно, был пожар. Всё потому, что хозяев нет. Как бы её людям вернуть, Геннадий Филиппович?” — “Для начала надо создать церковную “двадцатку”. Это будет организация граждан, которая обратится к светским властям с ходатайством открыть церковь. А дальше будут обращения к властям церковным. Без них ничего не получится. Но главное — нужна “двадцатка”.

Я понял: надо собирать людей. Приехал в Слотино. Пришёл к Евдокии Ивановне. Объяснил задачу.

А надо сказать, как старосте я постарался, чтобы у неё поставили телефон. Связисты районные сопротивлялись: ой, у нас провода гнилые идут вдоль “бетонки” много километров, то и дело будут рваться. Тем не менее я их добавил, они поставили ей телефон. А поскольку её дом был дальше моего от “бетонки”, причём столбы шли как раз по моей стороне и потом переходили на другую сторону, где был дом Евдокии Ивановны, то мне поставили телефон тоже. И вот она однажды мне звонит, телефон всюду надрывается, а я во дворе чем-то занимаюсь. Беру трубку: “Вячеслав Иванович, — кричит Чернега, — Петрович хочет продать колокол с церкви”. Я бросаю трубку, бегу. А Петрович. . . Ну, фамилию его я не буду называть, человек умер, в своё время был известный в этом селе, работал даже председателем колхоза. Кстати говоря, в этом небольшом селе, где только в отдельные периоды было около 50 домов, а чаще — не больше 40, тем не менее какое-то время существовал свой колхоз. Сзади дома, где жила Евдокия Ивановна, была молочная ферма, довольно крупная. И Чернега заведовала ею.

“Петрович хочет продать колокол с церкви!” — всё ещё звучал в ушах голос Чернеги. Он был любопытный человек — этот Петрович.

Возле поворота от “бетонки” к Слотину, немного в кустах, стоит памятник жителям девяти деревень и одного села, погибшим в годы войны при защите страны. Много мужчин из этих десяти населённых пунктов не вернулись домой. Петрович возвратился в Слотино. Я спрашивал его о войне. Он говорил неохотно. Был санитаром, вывозил раненых на собаках. Даже в старости Петрович был видным мужчиной. Что тогда говорить о молодых годах: рослый, привлекательный. К тому же председатель колхоза, где мужиков раз-два — и обчёлся. Многие не только вдовы-солдатки, но и созревающие женщины хотели бы лечь с ним в постель. Однако Петрович почему-то женился на женщине старше него не то на семнадцать, не то на восемнадцать лет. У них был единственный сын, который в четырнадцать лет умер от инфаркта.

Я видел жену Петровича. Хотя были незнакомы, но по-деревенски здоровался с ней: старуху звали тётя Нюша. Она часто сидела на скамеечке у дома: очень полная, если не сказать до безобразия толстая, с жирными складками, словно оплывшая, но с привлекательным печальным лицом.

Старожилов в селе оставалось уже немного, и спросить об этой семье, чтобы не попасть впросак, было уже не у кого. А Евдокия Ивановна почему-то о Петровиче говорила с некоторым раздражением.

Вот и сейчас она сердито повторяла при мне слова о том, что “Петрович хочет с церкви колокол продать”. Я понял: надо вмешаться. Строгим,

но заинтересованно спокойным голосом спросил: “Что здесь происходит?” Чернега опять было завела про колокол, однако Петрович зло её перебил: “Кому он нужен — этот колокол? Треснутый... А так хоть пользу принесёт”. На задах Петровичева участка я увидел зелёный “Москвич-412” и двух мужиков. “Эт кому принесёт? Тебе? Али вон им?” — ткнула она неразгибающимся пальцем — результат многолетней работы дояркой — в сторону мужиков с машиной. Они услышали скандальный голос Евдокии Ивановны и засуетились. “Колокол может пригодиться церкви, — сказал я. — Мы будем возвращать её народу, а у храма даже такого колокола нет”.

Пока я говорил, пока сходил в Петровичев “двор” — пристройку к крестьянской избе, где содержится скот, зелёный “Москвич” сорвался с места, и только пыль сдувалась ветром с сельской дороги. “Ну вот, — с удовлетворением сказал я. — Инцидент исчерпан”.

Мы привязали колокол к черенку от лопаты, принесли на веранду Евдокии Ивановны и поставили возле старой койки, где я поначалу спал, квартира у старушки, пока у меня не появилась лежанка на керамзите в собственном доме.

Когда я приехал на следующие выходные из Москвы, Чернега уже была готова к нашей акции. Надо сказать, как человек общественно активный, она увлеклась идеей открыть в селе старую церковь. В последнее время Чернега, привыкшая быть в центре внимания, в кругах людских дел и забот, явно скучала. Ну, придут за молоком — она всё ещё держала корову, — расскажут какие-то новости, и опять бабка одна. А тут появлялась возможность снова кого-то организовывать, убеждать, может, даже прикрикнуть своим резким, громким голосом.

Мы сели в мои “Жигули”, и Евдокия Ивановна стала прикидывать, куда ехать в первую очередь. Народ она знала, как мне показалось, во всех окрестных деревнях. Но начинать надо было с тех, где больше старух. “Это самый податливый материал”, — произнесла она фразу, от которой я чуть не обалдел. Видать, не даром прошли депутатские годы.

Приехали в деревню Ботово. Ту самую, где когда-то жили два активиста церковного разрушения, которых, если верить рассказу Чернеги, так покарала судьба. Подходим к опрятному дому: голубые ставни, в палисаднике цветут георгины, на скамейке сидит старуха. “Здравствуй, Михална”. — “Здрасьте, Евдокия Иванна”. — “Мы к тебе по делу”. — “Тогда пойдём в дом. Чего об деле на улице говорить”.

Когда вошли в горницу, Евдокия Ивановна оглядела её цепким взглядом, без приглашения села на стул. “Мы вот к тебе зачем, Михална. Церкву надо в Слотине открывать. Ты как, “за”?” — “Конешно, конешно, Евдокия Иванна”. — “Тогда надо это как положено оформить”. — “Я понимаю. Я сейчас”.

Старушка идёт к сундуку, достаёт откуда-то со дна завернутые в белую тряпочку деньги: “Берегла на похороны, но на такое святое дело отдам”. — “Да нет! — говорю я. — Деньги не нужны. Надо только вашу подпись, что вы в числе двадцати человек будете просить возвратить верующим храм. Вы верующая?” — “А как же!” — постаралась выпрямиться старушка.

Здесь мы получили ещё две подписи. Причём одна бабка тоже стала доставать “похоронные” деньги. Но тут уж понявшая, что к чему, Евдокия Ивановна, которая сначала тоже думала, что нужны деньги, отчитала растерявшуюся бабульку. “Убери свои деньги. Пригодятся тебе”.

Ещё два раза, приехав из Москвы и отложив дела по обустройству дома, я забирал Евдокию Ивановну, и мы ездили по деревням. Однажды, выезжая из какой-то деревни, попали под дождь. А мой “жигулёнок” в одном месте не выносил слотинской дороги. Место это — подъём из небольшого карьера. Мой сосед слева, Алексей Александрович Спирин, как-то сказал мне, что в начале строительства “бетонки” здесь был лагерь и заключённые добывали песок для дороги. Проезжая через карьер, я с сомнением оглядывал его. Слишком крохотное место для лагеря, хотя выходы песка виднелись.

Позднее мне объяснили: здесь, действительно, брали песок для строительства дороги, и в бараке жили рабочие.

Но самое коварное у этого карьера был подъём — сплошная глина. Маленький дождь, и “жигулёнок” елозил, как по маслу. Я стискивал зубы, гневно бросал в адрес глиняной невозможности: “Ты хочешь, чтобы я не ездил сюда? Всё равно буду ездить!”

С этим подъёмом мучились все. Тогда железнодорожники сбросились и купили железобетонные плиты. Но прямой участок до села трактора разбивали вдрызг. А тут Плахову поручили на месте старого депо строить новое. Битый кирпич, строительный мусор надо было куда-то девать. Куда? В Слотино, на дорогу. Больше двухсот машин привёз Сергей Иванович в топи слотинской дороги.

Сейчас она надёжна при любой погоде для любых машин. Не один раз выходили и горожане, и селяне благоустраивать её. Выходили те и другие даже с детьми. Но не зря говорят: в семье не без урода. В слотинской “семье” их оказалось несколько. Я сам не раз говорил с двумя. Убеждал, стыдил. “Смотри, – говорил я одному, – двенадцатилетний пацан везёт тачку кирпичного “боя”, а ты будешь ездить по дороге, сделанной им, не приложив труда”. Здоровый, почти двухметровый верзила только ухмылялся: “Пусть работает, если ему надо. Мне не надо”.

Но я отвлекся – такие есть во все времена. Церковную “двадцатку” мы с Евдокией Ивановной собрали. Чернега стала во главе её. Несмотря на возраст, она была бабка энергичная, что не по её, могла отругать, а то и послать матом. Я снисходительно укорял старушку: “Ну разве так можно, Евдокия Ивановна? Ты же глава церковной “двадцатки”. Бог услышит – осудит”. – “Ай, Вячеслав Ивановыч! Бог судит не по словам, а по делам”.

Я сам был не святоша. Вырос в послевоенной шпанской среде, рано попал в рабочие коллективы, а там могли так сказать, что у неподготовленного слушателя мозги закипали. Поэтому мог загнать будь здоров. Однако никогда не позволял себе ругаться при женщинах и детях. Когда слышал от других, встревал, порой до скандала и даже драки. Да и просто так, особенно по молодости, избегал матерщины. У меня был случай, при воспоминании о котором долго краснел. Работая в “Волгоградской правде”, я начал большую кампанию по подъёму со дна Волги пожарного парохода “Гаситель”. Сейчас он установлен в Волгограде как памятник речным судам, которые внесли огромный вклад в Сталинградскую победу и погибли в той жестокой битве. А тогда решил сам спуститься на дно реки в водолазном костюме. Личные впечатления, уверен, только помогают журналисту лучше понять героев. Поэтому я то спускался в шахту, то поднимался на верхушку строящейся трубы Костромской ГРЭС и вместе с монтажниками раскачивался в фанерном “фонаре” на высоте двести метров.

Переехав на левый берег Волги, по раскалённому песку (идти пришлось босиком) дошёл до мостков с берега на водолазную станцию. Старшина водолазов, коренастый, плечистый мужчина, – к сожалению, забыл его имя, – помог с ребятами надеть на меня резиновый костюм, на ноги обули свинцовые башмаки, а на голову накрутили круглый медный шлем со стёклами. Однако перед этим старшина предупредил: “Не забывай нажимать головой кнопку в скафандре. Выпускай воздух, а то перевернёт тебя кверху задницей”.

Я спустился на несколько ступенек по железной лестнице и пошёл на дно. Вода сначала была жёлтая, потом жёлто-зелёная, а возле дна – сильно мутная. “Ну как?” – раздался в скафандре голос старшины. “Нормально. Только плохо видно”.

Нагнувшись вперёд, чтобы преодолеть сильное течение, подошёл к чему-то тёмному. Дотронулся рукой: железо. Так, передвигая руку, прошёл до носа, лежащего сильно на боку “Гасителя”. И вдруг почувствовал, что ноги мои поднимаются вверх, а голова оказывается вниз. Я некоторое время повозмущался вслух, пока не нащупал головой кнопку. Ничего интересного больше не увидел, и меня подняли на палубу. Когда сняли скафандр и окончательно “размундирили”, старшина покачал головой: “Ну, ты и материшься, корреспондент...”

Я перед тем готовился обрушить на водолазов поток благодарности, а тут онемел. От стыда готов был провалиться сквозь железную палубу. Мне-то думалось, что я один в этой мутной волжской воде, а оказалось, меня слышали все водолазы. Чтобы знать, что происходит под водой, что человек там видит и делает, на палубе устанавливается столб с репродуктором, и мощный динамик широко разносит слова водолаза.

Несдержанность Евдокии Ивановны в какой-то мере можно объяснить – слишком много тяжестей вынесла она в жизни. Из семерых детей – пять дочерей и два сына – остались одна дочь и один сын. И не война опустошила

семью Чернеги, а нелепости жизни детей, которые затронули и некоторых внуков. Потому и понимал я её эмоциональные всплески, оттого если критиковал за матерное слово, то сдержанно.

А вот нынешние молодые девицы-матерщинницы для меня просто шалавы.

К делу, начатому нами с Евдокией Ивановной, стали подтягиваться и другие люди. Довольно быстро просьбу созданной нами “двадцатки” удовлетворили городские власти при активном участии лично Геннадия Филипповича Попова. О нём, считаю, нужно сказать особо, ибо, на мой взгляд, он пример настоящего руководителя, которого уважал и уважает народ. В отличие от всех его последователей на посту руководителя города и района, он, как получил ещё в советские годы обыкновенную квартиру в обыкновенном доме, так и жил всё время там. Даже не достроил себе дачу из старого какого-то разобранного дома. Он ничего себе не сделал, не взял, а всё только отдавал городу и району. Недавно Геннадий Филиппович умер, но, думаю, все, кто его знал, будут помнить Попова как очень порядочного человека.

Несколько медленнее решали проблему власти церковные. Но оно и понятно: им надо было найти достойного настоятеля. Тем не менее в 1992 году храм народу вернули.

И здесь есть смысл сказать немного о его истории. Нынешняя каменная церковь была построена в 1822 году на средства прихожан. Приход тогда был большой, скажем, он и в начале XX века был немаленький – 1000 человек, а до этого ещё больше. И денег собрали столько, что хватило не на маленький каменный храм, а на большой. И его решили построить на месте прежней деревянной церкви.

Некоторые авторы, работы которых мне приходилось читать, пишут, что храм в селе Слотино построен в начале XVII века (в тысяча шестьсот каком-то году). Однако это совершенно не так. Историческая справка, с которой мне удалось ознакомиться, говорит, что храм в селе Слотино Кинельского стана Переславского уезда известен с середины XV века. Село Слотино в середине XV века принадлежало великой княгине Софье Витовтовне – снохе Дмитрия Донского. Дальше упоминается, что село Слотино она завещала Троице-Сергиеву монастырю. То есть несколько раз повторяется “село Слотино”. А как известно, селом является только тот населённый пункт, где есть церковь. Значит, храм этот существует с середины XV века. И потому версии о том, что в нём молился Иван Грозный, очень даже правдоподобны.

Кроме того, я говорил с нынешним настоятелем храма отцом Сергием (Дидковским) об иконах. Он сказал, что ряд икон, которые были в этом храме, написаны в XVI веке, то есть во времена Ивана Грозного. В том числе с изображением Иоанна Богослова. Естественно, она не могла быть ни в каком другом храме, кроме того, который носит это имя.

Я пишу эти строки в 2021 году. Значит, через год, в 2022-м, каменному храму будет 200 лет.

Последним настоятелем, который служил здесь до 1961 года, был Пётр Липягов. После этого 30 лет храм был брошен, разграблен и превращён в склад. Теперь надо было восстанавливать все то, что утратилось в годы церковного лихолетья.

Глава 7 Возрождение

После возвращения церкви встал вопрос о назначении сюда настоятеля. И в 1994 году им стал отец Сергей Мельникас.

О. Сергей Мельникас

Это была ранняя осень. Он пришёл в Слотино пешком от “бетонки”. Нашёл дом Евдокии Ивановны Чернеги. Сели, поговорили. Он сказал: “Я здесь буду священником”. Она: “Очень хорошо, вот тебе бумаги все наши, печать. Мы – люди старые, ты – молодой, тебе надо это дело всё и восстанавливать”.

Восстанавливать было много чего. Хотя внешне церковь выглядела более или менее пристойно по сравнению с десятками и сотнями тех храмов, от которых остались или части стен, или вообще одни фундаменты. Эта церковь

сносно смотрелась. Но только при беглом взгляде. При внимательном рассмотрении дел предстало много.

На главном куполе не было креста. На колокольне крест был, но не закреплённый: стоял, как будто поставленный в стакан. Крыша церкви текла, железо проржавело за 30 лет. И когда шёл дождь или таял снег – всё лилось внутрь храма. Не было окон. Вместо них – большие дыры в стенах, через них запросто можно было войти внутрь. Вместо больших входных дверей, почти ворот, были поставлены маленькие обыкновенные двери, а остальное пространство вокруг них забито досками.

Отец Сергей всё это осмотрел и решил начать с того, что необходимо для проведения службы. А именно – сделать хотя бы два стола.

Напротив церкви стоял дом Ивана Никитича Малышева. Они познакомились. Отец Сергей пригласил его помочь. А Иван вообще был человек, как я его запомнил, типично русский: крупный, широкоплечий, с большими руками, кулакастый. И что особенно запомнилось, часто ходил босиком. Однажды он пришёл ко мне без всякой обуви, а была уже поздняя осень, иней на траве появился. Вот такой был Иван закалённый человек!

Вдвоем они сделали престол и жертвенник, или, попросту говоря, два стола сколотили. На них можно было что-то поставить и провести хотя бы первую службу. Тем более что осенью престольный праздник в честь Иоанна Богослова. Он два раза в году – весной и осенью.

Потом надо было начинать с крыши, закрывать её. Отец Сергей сходил в пионерский лагерь. Их было два неподалёку от села – между “бетонкой” и Слотиним. Один принадлежал объединению “Химавтоматика”, которым руководил Юрий Михайлович Лужков. В этом лагере строительным делом заведовал Пётр Григорьевич Гусев, уже очень молодой, но отзывчивый человек. Он закрыл крышу церкви рубероидом. Течи прекратились. Начал восстанавливать лестницу на колокольню.

Поскольку храмы восстанавливаются в основном на средства прихожан, то отец Сергей Мельникас опирался на их помощь. Правда, приход у него был маленький. Потому что это была его первая самостоятельная большая служба. Родом он из Сергиева Посада, как сам мне говорил, отсюда все его корни по матери. Прадед был игрушечником. Такой промысел существовал здесь – игрушки делать. После семинарии, а затем академии его послали по обмену в Штаты, в Нью-Йорк, в Богословскую академию. Там он пробыл год. Вернулся и стал просить церковное начальство дать место настоятеля где-нибудь поближе к Сергиеву Посаду, всё-таки там дом, родители. Ему предложили Слотино. Ни об этом селе, ни о храме в нём он ничего не знал. Говорит: “По “бетонке” ездил за грибами во Владимирскую область, она тут рядом начинается, а вглубь не уходил”.

Теперь ему пришлось ездить на автобусе, выходить на остановке и пешком около двух километров идти до храма. И одновременно искать спонсоров, людей, которые могли что-то сделать. Удалось заказать окна. Но сначала наши решётки, красивые церковные решётки, которые увидели на разрушенном дотла храме в бывшем селе, а теперь деревне Гальнево. Это село было знаменито тем, что в здешнем храме венчался Фёдор Иванович Шалапин. Сейчас этот храм в Гальневе возрождён с помощью Большого театра. А решётки гальневские, с согласия церковного начальства, поставили в церковь Иоанна Богослова в селе Слотино.

Потом заказали восемь окон – больших, красивых. Стали проводить первые службы. А как начинается служба, что предвещает о ней? Звон колоколов. На этой церкви на колокольне был единственный колокол, маленький, треснутый, который, как говорит отец Сергей, только блямкал. С этим колоколом связана интересная история, которую я рассказал в предыдущей главе. Мы его, по сути дела, отбили у человека, собравшегося продать колокол. И вот этот блямкающий, небольшой колокол возвестил о начале новой жизни храма.

Постепенно у священника Сергия Мельникаса образовывался круг спонсоров. Один из них выделил деньги на покупку большого колокола. А мне хорошо было из окон слышно, как они работали, эти два колокола: зычно, громко – большой и этот – треснутый, блямкающий. Пётр Григорьевич Гусев сложил печку в большой части церкви, где в холодное время года шли службы. Вместе с другими новыми помощниками Мельникаса, среди которых одним из самых активных стал житель села Ботово Сергей Махов, начали крыть

крышу железом. Также железом стали покрывать купола – большой и на колокольне.

А потом Пётр Григорьевич Гусев построил часовню около родника. Сделал памятник себе, ибо вскоре умер. К сожалению, кроме отца Сергия Мельникаса, о создателе часовни не знает никто. А ею пользуются. Здесь на Крещение освящают воду. К роднику едут люди. Причём чем дальше, тем больше, и уже выстраиваются очереди, потому что вода хорошая, а течёт тонкой струйкой. Но о Гусеве, думаю, на часовне где-то надо написать.

Вот так начал возрождаться, приходиться в жизнь храм Иоанна Богослова. Сергей Мельникас заказал новые кресты на большой купол и на колокольню. Причём сделал их копией старых. А прежние, подобно доморощенным престолу и жертвеннику, сохраняются новым настоятелем как память о прошлом времени. Большой крест на куполе удалось покрыть сусальным золотом. И сейчас, когда его освещает солнце, открывается очень красивая картина: на фоне лесов, неба сверкает этот крест с золотой короной наверху.

Когда Сергей принял, говоря военным языком, пост, вокруг храма не было ограды. Её разрушили и растащили. Но до ограды не доходили руки. А вернее – деньги. Их у отца Мельникаса зачастую не было совсем.

Он один был на всю округу. Ходил пешком по деревням, отпевал покойников, крестил новорождённых, освящал дома. Но это всё давало ничтожный доход. А священники зарплат не получают, они живут только на пожертвования прихожан. Люди приходят на службу, покупают свечи, что-то жертвуют, кто-то небольшие деньги, а есть богатые, которые очень могут помочь храму. От собранных пожертвований священник должен отдать 20 процентов епархии, из оставшихся – платить за коммунальные услуги: свет, тепло, если есть вода, за воду. На них же покупать своё облачение, свечи, масло для лампад, вино, просвирки. И всё это из оставшихся денег, которых, конечно, у отца Мельникаса не было. Хорошо ещё, что ему не нужно было тратиться на оплату певчих. Его жена Тамара и две дочери имели музыкальное образование и составляли хор церковный. Он как-то вскользь обронил своему сменщику отцу Сергию (Дидковскому), что за пять лет не смог купить никакой светской одежды – не было денег.

Тем не менее храм восстанавливался. На дверях появился замок. На главный крест вернули корону, поскольку храм был коронован Екатериной Второй. И, кстати говоря, таких храмов в России всего несколько: в московском Кремле, в Троице-Сергиевой лавре и вот в селе Слотино.

При входе в церковь были сделаны большие ажурные ворота. Над ними прикреплена красивая необычная икона Иоанна Богослова, изготовленная реставратором Еленой Сорокатою. Сделана, как предполагает отец Сергей, из фаянса, которому не страшны ни морозы, ни жара, ни дожди. Словом, икона на века.

Кстати говоря, женщины села тоже помогали священнику – участвовали в уборке храма. Выбросили весь мусор, подмели полы, стены, как могли, на уровне своего роста попытались отмыть от копоти. Это и Валентина Чернега – дочь Евдокии Ивановны, и Валентина Ивановна Килькина, и родственница Ивана Малышева Анастасия Васильевна Малышева. В общем, были помощники – сказал отец Сергей – в том числе и вы. А всех уже не вспомнишь.

Вот так Мельникас прослужил девять лет. Зимой здесь службы не проходили, потому что не было света, нормального тепла. Зимой вообще никакого заработка у него не существовало. А уже повзрослели дочери, поступили в Плехановский университет на бюджетные места. Впоследствии младшая вышла замуж за дьякона.

Однако жить семье почти на одну зарплату жены, которая работала в районном управлении связи, становилось совсем трудно. И Сергей несколько раз писал прошения о том, чтобы его перевели в другой какой-нибудь храм. Через девять лет просьбу Мельникаса удовлетворили – перевели в Москву. На его место пришёл новый священник.

О. Сергей Дидковский

Судьба его тоже проделала определённые зигзаги. Родом он с Украины, из Житомирской области. Прадед его, по словам священника, был кулаком. У него было десять десятин земли, а это больше десяти гектаров. Он содержал

лошадей, разводил и торговал ими. А вот дед уже участвовал в гражданской войне на стороне красных, был кавалеристом в отряде Николая Щорса. Потом воевал в Отечественной, форсировал Днепр, Одер. На Одере сильно ранили и контузили. Вернувшись домой, через некоторое время стал регентом церковного хора. И вообще вся семья Сергия была верующей: мать, бабушка и дед. Хотели, чтобы и отец Сергия пошёл по церковной линии, но оказалось, что у него нет слуха. И то ли его не приняли в семинарию, то ли он сам не захотел этого, в конце концов, отец стал агрономом.

Библию Сергей начал читать, по его словам, с восьмого класса. Просто было интересно узнать, что и как. Школу закончил на “четвёрки” и “пятерки”. И была мечта – стать военным лётчиком. Он поехал в Ставропольское лётное училище, прошёл строгую комиссию. Стал сдавать экзамены. Сдал, но не прошёл по конкурсу: было много человек на одно место. Вернулся в Житомир, и тут его взяли в армию, как он говорил, в Советскую армию и отправили на Северный флот. Из Житомира в Москву, из Москвы в Архангельск. Проезжая мимо Загорска, впервые в окно поезда увидел Троице-Сергиеву лавру и был поражён её красотой.

На Северном флоте попал в специальную роту, которая охраняла на острове Новая Земля самолёты Су-27 – на них он мечтал летать. Во время службы, переписываясь с родными, узнал, что в лавре монахом служит его дальний родственник. Стали писать друг другу. Когда отслужил в армии, попросил у житомирского митрополита рекомендацию для поступления в семинарию.

Таким образом, судьба его сделала очередной зигзаг. Дидковский поступил в семинарию в Троице-Сергиевой лавре, потом окончил духовную академию, написал диссертацию, стал кандидатом богословских наук. Начальство отметило старания молодого священника, и его взяли в Сергиево-Посадскую Ильинскую церковь. А этот храм особый. Во-первых, он никогда не закрывался. Даже в годы самых свирепых гонений, когда и лавру – этот центр духовной жизни – закрыли. Во-вторых, Ильинская церковь является храмом, где настоятелем сам благочинный. Благочинный же – это начальник над всеми священнослужителями того или иного района. Отец Сергей был дьяконом, помощником благочинного.

Кстати говоря, в это время произошёл интересный случай. В Сергиево-Посадский район приехали с Новой Земли офицеры на переподготовку или медобследование. И руководство познакомилось с отцом Сергием. Узнали, что он служил у них на острове. Через год там построили церковь и стали его звать. Но ехать туда уже не мог – родился сын Елисей, но отпустила служба в Сергиевом Посаде. Единственное, что сделал, – это подействовал на значению на остров священнослужителя из Архангельской епархии.

Три года отец Сергей Дидковский прослужил в Ильинской церкви, а потом его назначили настоятелем храма Иоанна Богослова в селе Слотино. Там он сменил отца Сергия Мельникаса. В отличие от предшественника, для которого это была первая самостоятельная служба, Дидковский прошёл некоторую школу и у него уже появились меценаты, те, кто жертвовали, кто поддерживал его материально. Так судьба свела нового слотинского священника с Юрием Владимировичем Петровым.

Юрий Владимирович был ближайшим сподвижником Ельцина ещё по Свердловской области. Когда Ельцин перевели в Москву, Петров стал первым секретарём обкома партии. Перед концом советской власти его назначили послом на Кубу. А с началом новой России Ельцин вызвал Петрова в Москву и предложил должность главы администрации президента.

Юрий Владимирович недолго поработал на этом посту. Через два года была создана государственная корпорация “Госинкор”, цель которой, как декларировалось, – привлечь иностранный капитал, инвестиции в Россию. И эту корпорацию возглавил Петров. Он был руководителем корпорации и созданного ею “Гута Банка” несколько лет. А в 2003 году “Госинкор” ликвидировали.

Дидковский с ним познакомился так. В селе Малинники был когда-то небольшой Никольский храм. Его возвели в самом начале XIX века. Но в 1937 году церковь разрушили. И только в последние годы начали восстанавливать. К сожалению, назначенный туда настоятель, как говорят, больше интересовался делами земными, сельскохозяйственными, нежели обустройством церкви. Он стал почти фермером: развёл кур, свиней, коз. А самое главное – начал конфликтовать с руководством охотхозяйства, которое когда-то называлось

Загорское и было создано Минсельхозом Российской Федерации ещё в конце 50-х годов XX века, а в новое время куплено “Гута Банком”. Когда здесь запрудили маленькую речку, образовался большой серповидный водоём. В хозяйстве стали разводить уток для охоты. Я сам однажды там был, видел эту охоту. Уток приучали лететь кормиться на звук трубы. Гигантская стая летела вдоль этого водоёма, довольно узкого, мимо охотников, которые стояли на берегу. Пальба была такая, аж раскалялись стволы. Потом стая поднималась и летела в обратную сторону, ибо теперь оттуда раздавался звук трубы.

Это охотхозяйство, как я сказал, приобрёл “Гута Банк”. Там были домики красивые на косогоре, а внизу, поблизости от водоёма, находилась Никольская церковь. Охотники то и дело обращались к благочинному в Сергиев Посад с жалобами на священника, просили, чтобы настоятель храма не скандалил, не устраивал сцены. В итоге священника перевели в другое место, а Дидковского, скажем так, по совместительству, назначили настоятелем и храма Никольского.

Надо заметить, что Никольский храм имеет довольно интересную судьбу. Его построил в 1803 году Амвросий Подобедов. Он в это время был главой Священного Синода и возглавлял его при Екатерине Второй, при Павле Первом и при Александре Первом. Подобедов освящал Казанский собор в Петербурге, он же благословлял Кутузова на войну с Наполеоном.

А почему Подобедов построил именно здесь этот храм? Да потому, что тут когда-то было маленькое село Стогово, где в деревянной церкви служил настоятелем его отец. То есть Подобедов построил храм на своей родине.

Сергий Дидковский приехал в Малинники, хотя и пешком идти недалеко. Расстояние, если по прямой от храма Иоанна Богослова до церкви в селе Малинники, через поле и неширокий лес, километра два. Дидковский познакомился с Петровым. Они, по его словам, попили чаю, поговорили. И отец Сергей сумел расположить Юрия Владимировича: тот стал помогать в возрождении храма в селе Слотино. При этом сказал: сначала надо эту церковь довести до ума, а потом возьмёмся за Никольскую в Малинниках.

Своё слово он держал, как говорится, крепко. На его средства была сделана ограда вокруг церкви Иоанна Богослова, красивая, прочная, стилизованная под старину. Вместо сгоревшего иконостаса был изготовлен новый. На его средства люди отмыли копоть со стен и купола храма, и открылась полуторавековая красота. Петров провёл от магистральной трубы газ к церкви. В селе газа ещё не было. Я знаю по себе, что такое провести газ. Столько мучился с этими газовиками. Мы вели тяжбы всякого рода. Хотя власть наша, в том числе самая верховная, клялась и божилась, что Россия скоро вся будет газифицирована. Тем не менее до сих пор люди топят избы дровами. А храм, благодаря Петрову, обогревается, и службы идут в любое время года. Оплачивает этот дорогой обогрев один из новых жителей села.

Но вернусь к делам Петрова. На его средства провели электричество в церковь. Поставили столбы, светильники повесили. И вместе с телеведущим Юрием Николаевым, как рассказывает Дидковский, Юрий Владимирович поехал выбирать так называемое паникадило, а проще говоря, люстру. Выбрали, купили. Но какую! Сейчас эта люстра – одно из главных украшений храма. Огромная красивая, достойная столичного театра, а не сельской церкви. Вес её – 450 килограммов. Недавно, на “Медовый Спас” в храм пришла приятельница нашей семьи Таисия Михайловна Щербинина. Она живёт в соседней деревне Марино, которая также, как Малинники, оказалась на берегу того самого охотничьего водоёма. Таисия Михайловна инженер-дорожник из “Автодора”. Профессия, прямо скажем, не сентиментальная. Но наша приятельница – городская крестьянка: квартира в Сергиевом Посаде, а дом – в деревне с землёй. Часто бывает в лавре, знает церкви. В том числе с давних пор – нашу, Иоанна Богослова. И вот, сходя в на освящение мёда, позвонила нам в Москву – мне пришлось на несколько дней уехать из Слотина. Хотя она женщина эмоциональная, я давно не слышал от неё таких восторгов о нашем храме. Особенно её восхитила люстра. “Солнце попало через окно на люстру, и она засверкала, как из бриллиантов”.

Теперь снова о Петрове. Он был некрещёный, и когда зашёл разговор о том, что ему надо креститься, оказалось, в храме нет крестильной чаши. Он купил и чашу эту. Таким образом, Петров, можно сказать, не просто продолжил возрождение, а дал новую жизнь старому храму.

Что двигало им? Может, желание замолишь какие-то грехи или ошибки, а у кого из нас ошибок нет и не бывает? Или задушевные разговоры с этим священником с негромким, глуховатым голосом, который убежден в том, что чем больше храмов на Земле, тем меньше грязи на ней и в душах людей, сейчас трудно сказать. Юрий Владимирович умер несколько лет назад. Но священник Дидковский о нём всё время вспоминает с большой теплотой.

Я не слишком разбираюсь в церковных званиях и чинах. Поэтому, узнав, что оба настоятеля храма Иоанна Богослова, оба отца Сергия являются протоиереями, как-то спокойно и даже равнодушно встретил это известие. Однако оказалось, что по военной табели о рангах царской армии оба они подполковники.

Когда я впервые увидел и услышал отца Сергия (Дидковского), меня, прежде всего, поразил его голос. Немного я знал священнослужителей, но большинство из них имели мощные, громкие голоса. Да тот же Мельникас, у него, как в народе говорят, горло, что иерихонская труба (пусть он не обижается на меня за это хорошее сравнение). У Дидковского же голос глуховатый, проповеди слышат очень хорошо, я думаю, только те, кто стоит близко. И, честно говоря, у меня раза два появлялось желание подарить ему микрофон, как у артистов. Чтобы слышнее было. Недавно мы с ним об этом заговорили. Он улыбнулся: “Вы что, хотите, чтобы меня вся округа слышала?”

Мне кажется, ему есть что сказать и округе. И вот этот человек, с головы которого спадают длинные чёрные волосы, достигают такой же чёрной бороды и как бы соединяются с ней, в итоге образуя овал, из этого чёрного овала глядят пристальные глаза с острым взглядом, на губах часто задерживается добрая улыбка. Но, судя по его деятельности, к тому же имеется у него и гибкий ум. Иначе бы ему не удалось, наверно, набрать себе столько помощников. На меценатские деньги отапливается храм зимой. На эти же деньги куплены прекрасные колокола для храма.

Что будет дальше? Трудно сказать. Но я думаю, если до Подмосковья не доберутся китайцы или воинствующий ислам не захватит наши территории, то храму этому стоять ещё долго и долго.

Глава 8 **На холмах истории**

Слотино – село старое, с богатой биографией. Но прежде, чем о биографии, надо закончить с географией.

Я уже упоминал о Клинско-Дмитровской гряде, которая является частью Московской возвышенности и идёт на юг, огибая два этих района, пересекая юг Ярославской области и задевая Сергиево-Посадский район. Так вот, село Слотино находится примерно в конце этой гряды, перед Владимирским ополем. Тем не менее и здесь ещё овраги, речушки, ручьи, причём овраги, поросшие густыми лесами, где есть всякие грибы. Природа очень красивая, здешние места считаются одними из интересных и привлекательных в Московской области.

Сразу за селом – овраг и низина, памятные людям одновременно с мрачной и весёлой стороны. Мрачное прошлое – это, как я говорил, то, что здесь сжигали иконы, когда в 1961 году закрыли церковь. А веселились во время весенних половодий. Место называли Гуслиями, катались на лодках, что для сухопутной местности было редкостью. По преданию, здесь на лодке каталась дочь Петра Первого – Елизавета, которая останавливалась в Слотине по пути в Александровскую слободу.

Из глубины веков

Теперь о биографии. Первое упоминание о селе, более надёжное, чем разные фантастические и документально не подтверждённые, относится к 1451 году. Речь о духовном завещании великой княгини Софьи Витовтовны. Она была снохой Дмитрия Донского, женой его старшего сына Василия. Село Слотино вместе с другими принадлежавшими ей деревнями завещалось Троице-Сергиеву монастырю. Правда, через некоторое время оно снова вернулось в великокняжеское владение и с той поры считалось только царским селом.

Софья Витовтовна была дама интересная. Дочь литовского князя, красивая, решительная. Именно она, не понимая сама того, развязала двадцатилетнюю междоусобную войну между двумя удельными князьями. А причиной стал, как ни странно, ...пояс. В 1433 году её сын, внук Дмитрия Донского, Василий Васильевич женился. Ему устраивали пышную свадьбу. На неё пригласили много разных гостей, в том числе родню второго, младшего сына Дмитрия Донского. Старший был Василий, отец жениха и муж Софьи Витовтовны, а второй – Юрий Дмитриевич – владел Звенигородом. Короче, пригласили всю эту родню. И вот на свадьбе Софья Витовтовна увидела на племяннике, сыне Юрия Василии, золотой пояс. Ей подсказали, что этот пояс принадлежал Дмитрию Донскому. Как он оказался на Василии Юрьевиче, неизвестно. А тогда пояса, тем более такие, конечно, считались не тем, чем сейчас. Сейчас – только для поддержки штанов, а в то время это был признак величия, славы и достоинства.

Она подошла к племяннику и при всех сорвала с него золотой пояс. Тот возмутился и, придерживая падающие штаны, заявил, что отныне знать не знает таких родственников. Взбеленилась и вся остальная родня. Гости собрались и уехали в Звенигород, по пути разграбив Ярославль. Юрий Дмитриевич объявил войну Москве. То есть своему племяннику Василию Васильевичу, великому князю Московскому.

Началась затяжная, волокитная война. Юрий захватил Москву, объявил себя великим князем Московским. А через год умер, оставив этот титул своему сыну, тоже Василию. (Там, похоже, не очень фантазировали в выборе имён.) Однако Василий Васильевич, подлинный, скажем так, великий князь Московский, собрал рать и выбил Юрьевича из Москвы. Потом тот снова захватил Москву. И так они ходили туда-сюда, грабя народ одной веры и, возможно, одной нации.

Во время этих побоищ Василию Юрьевичу выкололи глаз за предательство, и он вошёл в историю как Василий Косой. Но и великому князю Василию Васильевичу тоже не повезло со зрением. Ему выкололи оба глаза. Его стали называть Василием Тёмным.

Только через 20 лет закончилась эта разорительная междоусобная война, которая отодвинула Русь от столбовой дороги развития. Глядя вперёд, надо помнить об этом, ибо желающих разделить Россию на удельные владения у нас сегодня хватает.

Оболганный великан

А примерно через сто лет Слотино стало интересным по другому поводу. Тридцатичетырёхлетний царь Иван IV, кстати, первый русский царь – до этого были великие князья, что понижало статус правителя государства на международном уровне, рассорился с боярством и уехал из Москвы. Сначала на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, а оттуда в Александровскую слободу (сейчас это город Александров Владимирской области). Одной из главных причин была политическая. Подавляющее большинство бояр выступали против развёрнутой царём централизации государственной власти. Не разрозненные владения удельных князей, а монолитное государство может успешно противостоять внешним угрозам и способствовать внутреннему развитию, считал Иван Васильевич. К этим идеям он пришёл ещё в ранней молодости, намереваясь продолжить дело отца по собиранию русских земель. Отца, Василия III, он не помнил, тот скоропостижно умер от заражения крови, когда сыну Ивану было три года. А вскоре при странных обстоятельствах умерла и мать, Елена Глинская. Однако выросший сиротой молодой царь, где по рассказам, где самостоятельно по документам усвоил стратегические замыслы отца. Ведь по свидетельству современников, он был очень одарённым человеком. Иван много читал, прекрасно играл в шахматы, уже проявлял себя хорошим оратором и, как показало время, имел литературный дар.

Входя в зрелые года, Иван IV всё больше укреплялся в необходимости централизации, не забывая о внешней безопасности. В 1552 году взял Казань и присоединил Казанское ханство. Через четыре года так же поступил с Астраханским ханством. Уходили угрозы с юга и с востока. Можно было сосредоточиться на внутренней политике, на проведении реформ.

Однако сопротивление боярства не снижалось, наоборот – росло. В декабре 1564 года Иван Васильевич, собрав всю семью, двор, доверенных бояр, взяв казну, драгоценности, книги, иконы и много другого имущества, с огромным обозом из двухсот телег и карет выехал из Москвы. Сначала на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, а оттуда – в Александровскую слободу.

От монастыря до Слободы 40 километров. Ровно посередине стояло старое, обжитое село Слотино с древней церковью. Для Ивана Васильевича это имело огромное значение: царь с юности до смерти был очень набожным человеком. Часами простаивал на службах, не хуже церковников знал обряды. Однажды долго не могли начать подготовленный штурм Казани – ждали команды царя, который всё это время стоял на церковной службе.

Дневной пробег ямщицкой лошади был 60–70 километров. Пример тому – расстояния между нынешними городами на дороге от Москвы до Ярославля. Лошадь в обозе шла со скоростью около 20 километров в день. Вполне вероятно, что царский двор заночевал в Слотине.

В Александровской слободе Иван IV жил 17 лет. И все эти годы она считалась неформальной столицей государства российского. Оттуда царь выезжал на богомолья. К нему сразу начали ездить депутации духовенства, некоторые бояре с просьбами вернуться в Москву. Дело в том, что, приехав в Слободу, Иван Васильевич (пока ещё не Грозный!) отправил в Москву два послания. В первом обвинял представителей знати в измене, в сопротивлении своей политике и заявлял, что отказывается от трона. Во втором, адресованном простому народу, сообщал, что на него гнев его не ложится.

Депутации умоляли царя не отказываться от трона (вот интересные времена: сейчас умоляют отказаться – не уходит), давали право карать отступников по своей воле. Иван Васильевич согласился и на короткое время вернулся в Москву, по пути, скорее всего, заночевав в Слотине. Ведь село было единственным возможным пристанищем на единственной дороге между Троице-Сергиевым монастырём и Александровской слободой. Вернувшись в новую резиденцию, начал её обустроить. В Слободу появились некоторые приказы, по-нынешнему – министерства. Здесь заработала типография, где стали выпускать листовки, обличающие Стефана Батория. Они пошли по Европе. Так началась первая печатная контрпропаганда. По распоряжению царя в Слотине выстроили путевой дворец для отдыха. Поскольку вскоре к государю поехали иностранные послы, большие чиновники российских приказов, для их временного пребывания – приёма у царя порой приходилось ждать долго – рядом с селом стали строиться добротные дома. Не будет же иностранный гость или российский боярин ночевать в поле или в крестьянской курной избе, где нередко рядом с людьми бытовал скот. На этих местах по сей день ходят с металлоискателями разные люди и, видимо, что-то находят. А другие, после вспашки поля на том месте, где, по предположению стоял царский дворец, собирают осколки от печных изразцов.

В связи с этим я хотел бы задержаться на одной спорной истории. В 1684 году был издан указ царей Ивана и Петра Алексеевичей, где, в частности, говорилось о закупке изразцов для ремонта 20 печей в государевых хоромах царского дворца в Александровской слободе и для 17 печей в селе Слотино. На основании этого документа и попадающихся осколков изразцов XVII века делался вывод, что ни в Слободу, ни тем более в Слотине никаких царских дворцов при Иване Грозном не было. Ведь изразцов того времени не находили. Значит, и печей не было, а как без них жить во дворце? Никак нельзя.

Логика в таких суждениях, на первый взгляд, есть. Но я решил начать с поиска ответа на вопрос: а почему это 34-летний царь поехал со всей семьёй и двором, да ещё суровой зимой не куда-нибудь, а именно в Александровскую слободу? Оказалось, всё объясняется просто. Его отец Василий III ещё в 1505 году выбрал Александровскую слободу как загородную резиденцию. Ну, что-то вроде хрущёвско-брежневского и горбачёвско-ельцинского Завидово середины XX–начала XXI веков. Время от времени он там бывал. Но поскольку из Москвы дорога шла через Слотино, то великий князь, наверняка, знал село.

Восемь лет Василий III ездил в Слободу. Где жил, где ночевал, неизвестно. Но 11 декабря 1513 года в Александровской слободе, говоря нынешним языком, был сдан в эксплуатацию царский дворец.

Дороги на Руси, что тогда, что сейчас — аховые. Недавно участок “бетонки” от Ярославского шоссе до Владимирской области длиной километров 10 ремонтировали полгода. В Китае за это время 100 километров скоростной магистрали сделают. Но там нет бояр. У нас же бояре богатеют, а на дороги денег нет. Не зря Иван Грозный с боярами воевал. Однако вернусь на 500 лет назад. Весной и осенью — в распутицу — старались ездить меньше. Ездили летом и зимой. Летом, конечно, красота: тепло, прекрасная природа. А зимой можно ли при нашем суровом климате жить в помещении без обогрева? Если только недолго. Тем не менее дворец, как говорится, функционировал 17 лет до смерти Василия III. Потом перешёл по наследству его жене Елене Глинской, а затем достался их сыну Ивану. И все эти десятилетия, он, конечно, отапливался. Не обязательно изразцовыми печами. Класть отопительные печи из кирпича с декоративной отделкой их глиной в холодной Руси умели испокон веков.

Царский дворец в Слободе был не маленький. Двадцать печей, даже если в каком-то помещении их было две, всё равно площадь внушительная. И судя по количеству печей — семнадцать(!) — почти такой же был в царском селе Слотино. Кто мог сблизить масштабы? Разумеется, только переселившийся в Александровскую слободу Иван Васильевич.

Мне в последние годы не раз приходилось слышать такое выражение: из всех правителей нашего государства от Рюрика до Путина больше всего растоптаны Иван Грозный (Иван IV) и Иосиф Сталин.

Ну, имя Сталина начал топтать паскудник Хрущёв, обвинив его в многомиллионных жертвах репрессий, хотя в действительности у самого руки в крови не по локоть, а по плечо. Сталин же, согласно прежде недоступным, а теперь открытым архивам спецслужб, жестоко оклеветан. Я рассказал об этом в своей повести “Разговор по душам с товарищем Сталиным”. Созданная в 1989 году по поручению Горбачёва и Александра Яковлева комиссия Академии наук СССР должна была подтвердить запущенные Хрущёвым и всё время увеличиваемые либералами цифры людских потерь во время якобы сталинского террора. Ей открыли наглухо запечатанные раньше архивы ОГПУ, НКВД, МВД и МГБ. В её состав включили доктора исторических наук, профессора Виктора Николаевича Земскова, который в научных кругах слыл за антисоветчика. Видимо, надеялись, что этот учёный с именем если не увеличит называемые вроде как видными людьми цифры, то хотя бы подтвердит их. А цифры официально назывались такие. Общество “Мемориал” — 12 миллионов невинно уничтоженных Сталиным. Александр Яковлев — 32 миллиона. Рой Медведев — 40 миллионов. И больше всех называл Солженицын — 55 миллионов человек. Треть всего взрослого населения страны.

Но когда учёные и, прежде всего, Земсков стали публиковать открывшиеся цифры, думаю, инициаторы создания комиссии упали в обморок, а придя в себя, сильно пожалели о сделанном. Ведь при Сталине искажения отчетности не допускалось даже в мыслях — вот за это точно могла быть суровая кара. Поэтому статистические данные были точны до одного человека. В 1991 году Земсков опубликовал в журнале “Социс” такие цифры: с 1921 года до 1 февраля 1954-го было осуждено за контрреволюционные и другие тяжкие государственные преступления 3 777 980 человек. Из них приговорены к расстрелу 649 980 осуждённых. И это за 33 года! Причём к категории тяжких преступлений относились убийства, бандитизм, активное сотрудничество с немцами на оккупированных территориях и ряд других.

Я мог бы привести количество осуждённых на каждые 100 тысяч населения в 30-х годах в СССР и в современной России, а также в США — разница ощутимая. И не в пользу последних — ГУЛаг отдыхает. Но либеральное негодование никак не остановится, повторяет облыжные, лживые цифры. А всё, думаю, потому, что ни общечеловечность, ни, тем более, власть не используют закон. Закон о наказании за искажение истории. Топтать имя Сталина начал, как известно, тот, у кого рыльце из-за пуха не видно.

А вот к искажению личности первого русского царя приложил руку далеко не его современник, работавший на зарплате династии Романовых, историк Николай Михайлович Карамзин. Именно он запустил, а так называемые либералы того и нынешнего времени стали усиленно, порой до визга и слюнных брызг, втискивать в умы и души народа образ первого русского царя как человека кровожадного, детоубийцы, маньяка, наслаждавшегося казнями огромного количества людей, страшнее которого не было нигде и никогда.

При жизни же Ивана Грозного, как свидетельствуют тогдашние источники, народ любил царя. Тогда на каком основании тот же Карамзин считает его деспотом, который направо-налево уничтожал людей? Современный историк Руслан Григорьевич Скрынников, который занимался исследованием времени Ивана Грозного чуть ли не всю свою жизнь, посчитал казнённых по его приказу людей. Это 3-4 тысячи человек. За всё время правления Ивана Васильевича Грозного. Вообще-то он был у власти 50 лет – стал царём в детстве. Однако если отбросить его детские и юношеские годы, то это количество жертв приходится лет на 35. То есть примерно по 80–100 человек в год.

Конечно, и одну жизнь жалко, и одна душа бесценна. Но посмотрим, как ценили души людские правители так называемых просвещённых стран Европы – современники русского царя? Вся Европа знала о Варфоломеевской ночи, когда только в Париже и только за одну ночь по приказу матери-королевы Екатерины Медичи и короля Карла IX было убито около 3 тысяч человек – генотов. А во всей Франции – 30 тысяч.

Или возьмём английскую королеву Елизавету Первую. Она правила в те же десятилетия, что и Иван Васильевич Грозный. Только по его приказу было предано казни 3-4 тысячи человек, а она казнила 82 тысячи. 82 тысячи! Почти в 25 раз больше! И её называют Великой!

Все эти людоедские цифры Карамзин знал наверняка, ибо и сам довольно долго был в Европе, и за двести с лишним лет до его писаний сведений о жизни зарубежных правителей, их делах в Россию поступило немало. Путь многих из них был таким кровавым, что на этом фоне “жестокость” Ивана Васильевича Грозного для нормального историка выглядела бы результатом подростковой драки. Но не для Карамзина. Почему? Ответ надо искать в его идеологических воззрениях.

Совсем молодым человеком, в 18-летнем возрасте он вступил в масонскую ложу “Златого венца”. Масоны не любили всё русское – Карамзин не стал исключением. Зато перед тиранами французской революции, которые залили страну кровью, благоговел. Робеспьер, Дантон и другие деятели были его кумирами. А то, что велели убить заключённых в тюрьмах, дабы не трагиться на их пропитание, на это можно было не обращать внимания – необходимость!

С восторгом Карамзин говорил и о Наполеоне. В своём журнале “Вестник Европы” писал, что только безумец может не видеть счастья для Франции в лице Бонапарта.

Получив официальный статус придворного историографа вместе с солидным жалованьем, он решил славить династию Романовых против прежней – Рюриковичей. Последним великим Рюриковичем был Иван Грозный. Ошельмовать его, показать самым кровавым злодеем династии означало дискредитировать всю династию. Так формировался взгляд Карамзина на Ивана Грозного, выстраивался подход к оценкам его личности. Знаменитый церковный историк Николай Дмитриевич Тальберг говорил, что Карамзин буквально ненавидел Грозного. Можно ли при таком отношении ожидать объективного, беспристрастного, как это свойственно нормальному историку, показа исторической личности? Поэтому в источниках Карамзин старался найти то, что отвечало его замыслу: представить Ивана IV в уродливом свете. Неудивительно, что серьёзные учёные и сразу после выхода карамзинского труда, и позднее отрицательно отнеслись к методам его работы. Советский историк Даниил Натанович Альшиц очень жёстко критиковал выбор Карамзиным источников. Подлинных документов в виде актов и других объективных материалов было мало. Зато тенденциозных сведений, порождённых острой политической борьбой второй половины XVI века, лживых записок случайных иностранцев, политических памфлетов, откровенно клеветнических, сознательно изображающих Россию в чёрном цвете, – этого “добра” появилось в изобилии. Чего стоила продукция полевой типографии польского короля Стефана Батория! Он раньше других понял стратегическую роль информационной войны и открыл поток печатной лжи о русском государстве и царе Иване Грозном, с которым воевал. По всей Европе стали распространяться картинки с изображением улюсов, которые якобы творят русские в захваченных городах. Они отрезают головы мирным жителям, грабят их, бесчинствуют. Никакой контрпропаганды поначалу не было, и эти фальшивки, где в зверском виде изображался русский царь, становились лжесвидетельствами.

Или возьмём переписку князя Андрея Курбского с Иваном Грозным. Ну, какая может быть объективность в посланиях Курбского, бежавшего в Литву и начавшего сотрудничать с врагами российского государства? Карамзин и его либеральные сообщники объясняют бегство Курбского летом 1563 года опасением за свою жизнь от беспричинного гнева Ивана Грозного. Однако историки выяснили, что он бежал, боясь разоблачения. Открылась его тайная переписка с литовской властью, где на него рассчитывали как на ценного информатора. Ведь князь входил в близкое окружение царя, знал военные и другие стратегические секреты государства. Первое, с чего он начал, – выдал людей, сочувственно относящихся к России.

Выдающийся русский учёный, сподвижник Петра Великого Василий Никитич Татищев создал первую основательную “Историю России”, где обобщил все известные к тому времени документы и критически проанализировал их. Взгляды Курбского Татищев резко критиковал, считая его чрезмерно пристрастным и потому необъективным. По тем же причинам Василий Никитич призвал не обращать внимания на мемуары иностранцев об Иване Грозном.

А вот правление Ивана IV оценивал весьма положительно. Он считал, что о доблести царя и о значении его для русской истории сказано очень мало. При этом Татищев ругал тех, кто видел в Грозном лишь жестокого тирана.

Но именно таким выводил ненавистного царя Карамзин, опираясь на всякого рода сомнительные, а то и просто фальшивые свидетельства. Один из примеров тому – якобы убийство Иваном Грозным своего сына Ивана. Об этом Европа узнала из сочинения папского посла Поссевино.

Иван Грозный хотел заключить перемирие с Польшей и для содействия в этом обратился к Папе Римскому. Тот решил, что наступает удачный момент, чтобы в русском государстве православную веру сменить на католическую. Для обработки царя Ивана IV послал своего легата Поссевино. Перемирие было заключено, и посол подумал, что его задача скоро будет выполнена. Но русский царь заявил ему, что веру отцов менять не пристало.

Обозлённый и возненавидевший Грозного из-за провала стратегического задания Поссевино ни с чем уехал из Москвы. А через несколько лет выпустил книгу, где обрисовал, как Иван Грозный ударом посоха убил своего сына Ивана. Сам Поссевино, естественно, при этом не присутствовал. Его в это время не было не только в Александровской слободе, где умер царевич, но даже в Москве.

Но версия пошла гулять по миру, хотя никакой другой источник смерти наследника престола в Александровской слободе от руки отца не подтверждает. Однако Карамзин включил версию озлобленного огромной неудачей Поссевино в свою “Историю” как истину в последней инстанции. И она тиражируется по сей день, несмотря на то, что различные исследователи опровергают её, в том числе состоянием здоровья царя. Он в это время сильно болел, каждое движение причиняло ему нестерпимую боль, и дело дошло до того, что его стали носить в кресле.

Версию Поссевино, описанную Карамзиным, подхватил художник Илья Ефимович Репин. В 1885 году на выставке была представлена его картина, которая впоследствии получила название “Иван Грозный убивает своего сына Ивана”.

Писатель и историк Константин Петрович Победоносцев был возмущён ею. Он написал Александру III, что картина полностью выдуманная, фальшивая, ничего этого не было, и представлять её широкой публике никак нельзя. С ним был согласен и митрополит Иоанн Кронштадтский. Нет этому доказательств ни в одном источнике.

И сегодня не все верят в реальность этой драмы. В прекрасном фильме Леонида Гайдая “Иван Васильевич меняет профессию” есть примечательный эпизод, Иван Грозный, перенесённый машиной времени в наши дни, ходит по комнате изобретателя этой машины Тимофеева, осматривает её. На одной голой стене висит репродукция картины Репина. Взгляд царя даже на секунду не задерживается на ней. С большим интересом Иван Васильевич разглядывает другие предметы. А эта картинка не заслуживает и мимолётного внимания. Тем самым режиссёр показывает, что изображённое на ней не имеет к Грозному никакого отношения.

Надо сказать, что эту картину немало общественных деятелей России считают русофобской, оскорбляющей ложью сюжета одного из выдающихся

правителей государства. Недавно к министру культуры и руководительнице Третьяковской галереи обратился Русский культурно-просветительный фонд имени Василия Великого с письменной просьбой убрать картину из экспозиции как выдуманную. Ещё в 1903 году видный российский историк, академик Николай Петрович Лихачёв (не путать с советским академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым) опубликовал исследование о приезде в Москву Антонио Поссевино. В нём он подтвердил отсутствие каких-либо достоверных источников о смерти царевича от ранения головы. Такой же точки зрения в 1922 году в книге «Иван Грозный» придерживался академик, доктор исторических наук Роберт Юрьевич Виппер, получивший ещё в царское время за свою исследовательскую деятельность дворянство.

На такой же позиции стоят учёные конца XX века и наши современники. Их много, поэтому перечислять не буду. Скажу только о самом Репине. Он рассматривал свою картину как удар по самодержавию и НИКОГДА НЕ НАСТАИВАЛ НА ЕЁ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ. Так что место ей, считали авторы обращения, было в запасниках. Однако русской общественности отказали. Остаётся надежда, что под этой картиной появится адресованная зрителям подпись: «Изображённое здесь – неправда».

«Историю» Карамзина отвергали и отвергают не только за сознательное искажение личности Ивана Грозного. Многие критикуют его за отступление от исторической непредвзятости в сторону литературной расцветки. Он не историк. Он тенденциозный писатель. Так считали разные специалисты. Литературовед Векслер Иван Иванович отметил, что «История» Карамзина более тяготеет к художественной интерпретации, чем к точному историческому анализу. В этом нетрудно убедиться, читая страницы о том же Грозном. Например, описание расправы с двоюродным братом, князем Владимиром Старицким в селе Слотино, при всём трагизме происходящего, напоминает отрывок из литературного произведения в любимом Карамзиным сентиментальном жанре.

Конечно, это печальная страница в истории села Слотино и мрачная – в биографии Ивана Васильевича. Но как оказалось, наказание Старицкого имело очень серьёзные причины. В прекрасно аргументированной книге Вячеслава Манягина «Грозный. Апология русского царя», созданной исключительно на документах (вот что надо читать про Ивана IV, а не Карамзина!), подробно рассказывается о подлом поведении брата, возглавившего заговор против царя, чтобы самому занять престол.

С подобными претендентами не церемонились нигде, ни раньше, ни позже. Елизавета Первая отрубила голову шотландской королеве Марии Стюарт за смутные намерения попасть на английский трон.

К сожалению, созданный Карамзиным сознательно искажённый облик первого русского царя подтолкнул Александра II вычеркнуть Ивана Грозного из скульптурных изображений на памятнике «Тысячелетие России».

И, наконец, ещё одно свидетельство, вызывающее сомнение. Известный скульптор – антрополог Михаил Михайлович Герасимов, вылепивший по черепам портретные бюсты многих давно умерших людей, подлинных изображений которых не существует, сделал и портрет Ивана Грозного. Академик Юрий Александрович Галушкин высказывает сомнения в точности изображения портрета царя Ивана. По его словам, лицо на портрете не соответствует антропологическим данным экспертизы, которую сделал сам же Герасимов. Портрет был выполнен по слепку с черепа, выдержанного в растворе, который размягчил кости и деформировал пропорции. Поэтому, как отмечает Галушкин, ничего исторического в скульптуре нет. Кроме того, считает он, такой образ Грозного мог быть представлен по заказу, правда, заказчиков не называет.

Академик вообще сомневается в точности изображения созданных портретов реальных людей. В доказательство этому приводит результаты закрытого исследования. Умерших в больницах пациентов, бездомных и не имевших родственников, после захоронения в земле эксгумировали через некоторое время, достаточное для исчезновения мягких тканей. Черепа, не объясняя их происхождения, передали Герасимову и его ученикам. Точное сходство созданных портретов с прижизненными изображениями оказалось только в трёх случаях из десяти.

Двойное убийство царя

Подготовленная Карамзиным описанием Ивана Грозного либеральная публика с нетерпением ждала портрета царя, изготовленного Герасимовым. Ожидала увидеть лицо тирана, детоубийцы, душегуба и злодея. Словом, чудовище. Однако Герасимов представил калеку. А ведь Ивану IV, когда он умер в 1584 году, не было и 54 лет. Возраст даже по тем временам совсем не старый.

Однако организм его, действительно, был разрушен. От того мужчины, каким его увидел посол германского императора, мало что осталось. “Он очень высокого роста, – сообщал посол, – тело имеет полное силы и довольно крепкое. Большие узкие глаза, которые наблюдают всё самым тщательным образом, челюсть, выдающаяся вперёд, мужественная. Борода у него рыжая с небольшим оттенком черноты, довольно длинная и густая. Волосы на голове, как большая часть русских, бреет бритвой. В руке – посох с тяжёлым набалдашником, символизирующий крепость государственной власти на Руси и великое мужское достоинство самого царя”. Конечно, годы берут своё. Но в данном случае не годы, а яды.

Всю жизнь Иван Васильевич подозревал, что его самого и его семью отравляют. Внутренние недруги, а с ними и зарубежные описатели со злым ехидством заявляли: это необоснованная, маниакальная подозрительность – маньяк, да и только. Но вот в 1963 году в Архангельском соборе Кремля вскрыли гробницу Ивана Грозного и его сына Ивана. Исследователи были потрясены: в костях сына обнаружилось чудовищное количество солей ртути, мышьяка. Количество, несовместимое с жизнью.

Точно так же был “напичкан” скелет Ивана Грозного. А на позвоночнике царя тот же Герасимов зафиксировал большое количество наростов – результат отложения этих солей. Герасимов признал, что наросты при любом, даже малейшем движении вызвали невыносимую боль. И не только. Некоторые учёные считают, что эти яды могли вызывать резкие перепады настроения: от внезапного гнева к столь же быстрому раскаянию.

Работая над этой главой, я, среди прочих материалов и книг, прочитал в интернете анонимную заметку одного из сегодняшних последышей Карамзина. Они боятся называть своё имя и фамилию – вдруг встретят на улице и плюнут в морду. Поэтому предпочитают прятаться за всякими никами, типа собачьих кличек. В данной заметке я прочитал такие слова о боли от ядов: “Может, поэтому он так любил делать больно другим”. В этой заметке Иван Грозный и деспот, и мучитель жён, и убийца сына – типовой набор клейм. Впрочем, другие авторы, не скрывающие своих имён и фамилий, пишут, что в таком состоянии царь не мог ударить сына тяжёлым посохом. Он не способен был поднять руку.

Но вернёмся к отравлениям. Когда вскрыли захоронение первой жены царя Анастасии, там тоже обнаружили огромное количество солей ртути. Они были и в костях, и в прекрасно сохранившейся русской косе царицы, и даже в саване. Подозрения Ивана Васильевича в убийстве любимой жены, надломившем ему жизнь, тоже мания?

Наконец, ещё об одном лживом обвинении. Вернее, оскорблении. Четыре столетия негодяи распространяли версию, что ртутью и другими ядами царя лечили якобы от сифилиса. После анализа останков выяснилось, что это очередная клевета. Ни малейших следов болезни не выявили. Значит, просто убивали. Причём, заодно с отцом и сына.

До нашего времени дошло несколько икон с изображением Ивана Васильевича с нимбом на голове. В сохранившихся святцах одного из монастырей Иван IV упоминается как великомученик. Это означает, что церковь тогда подтверждала факт убийства первого русского царя.

Почитал Грозного царь Алексей Михайлович Романов, а его сын Пётр Первый считал себя последователем Ивана Грозного. “Этот государь, – говорил он, – мой предшественник и образец. Я всегда представлял себе его образцом моего правления в гражданских и воинских делах, но не успел ещё в том столь далеко, как он. Глупцы только, коим не известны обстоятельства его времени, свойства его народа и великие его заслуги, называют его мучителем”. Чтила Ивана Грозного Екатерина Вторая и защищала его от нападков. Я думаю, коронованная ею деревянная церковь в селе Слотино,

предшественница нынешнего храма, где, по преданию, молился Иван Грозный, одно из подтверждений тому.

Ценил Грозного и простой народ. Это отразилось во многих песнях, сказаниях того времени. Эти явления отметил и наблюдательный посол германского императора Сигизмунд Герберштейн: “Тому, кто занимается историей его, Иоанна IV, тем более должно казаться удивительным, что при такой жестокости могла существовать такая сильная к нему любовь народа, любовь, с трудом приобретаемая прочими государями только посредством снисходительности и ласки. Причём должен заметить, что народ не только не возбудил против него никаких возмущений, но даже во время войны проявлял невероятную твёрдость при защите и охране крепостей, а перебежчиков вообще было мало. Много, напротив, нашлось таких, которые предпочли верность князю, даже с опасностью для себя, величайшим наградам”.

К сожалению, созданный Карамзиным сознательно искажённый облик первого русского царя подтолкнул, как я уже говорил, Александра II вычеркнуть Ивана Грозного из скульптурных изображений на памятнике “Тысячелетие России”. Объясняли так: неэтично ставить фигуру царя в Новгороде, где Иван Грозный казнил боярскую знать.

В истории это событие получило название “Новгородский погром”. Возмущением отметились, разумеется, Карамзин и даже Карл Маркс. Сначала о причинах. Екатерина II, полемизируя с Радищевым, говорит о том, что боярская верхушка Новгорода собралась присягнуть польскому королю. То есть оторвать древний русский город от России. А этому название – сепаратизм, за что всегда и везде следовали серьёзные наказания. Вы думаете, из-за чего разгорелась гражданская война между Севером и Югом в США? Из-за освобождения рабов-негров? Это потом придумали, как благородный лозунг. На самом деле, из-за стремления южан создать своё государство и выйти из США. Одиннадцать южных рабовладельческих штатов образовали конфедерацию, определили даже столицу и заявили о выходе из Союза. Вроде бы даже имели право: в конституции США не было запрета на выход. Однако президент Авраам Линкольн во главе 20 северных и четырёх пограничных рабовладельческих штатов начал войну против южан. Она длилась с 1861-го по 1865-й. Ценой большого количества жизни сепаратизм был остановлен. А недавние две войны в российской Чечне? Тут какая причина? Всё тот же чистейший сепаратизм. Так что Иван Грозный не дал оторвать от России большой кусок её исконной территории. А дело шло как раз к этому. Боярская знать письменно заявила польскому королю Сигизмунду о готовности передать город и все прилегающие земли Речи Посполитой.

Наказание было жёстким. Но не таким, каким его рисовал перебежчик Курбский, который сам там не был, а описывал со слов иностранных “очевидцев”, тоже в Новгороде не присутствовавших. Ну, можно ли верить “свидетельствам”, что было убито 700 тысяч человек, если во всей тогдашней России – во всей (!) – насчитывалось около двухсот тысяч. В Москве – примерно сто тысяч, в Новгороде – 26 тысяч. И также с другими “фактами”. С целью оболгать Ивана Грозного заведомые лжецы выдумывали не только фантастические цифры убитых, но и абсурдное количество пришедших с царём опричников. Один “свидетель” называл 25 тысяч, другой – 15, третий 10 тысяч, хотя официально известно, что их было в несколько раз меньше: 500 человек – личная гвардия – и около полутора тысяч остальных. Также и с жертвами. Тот же Руслан Скрынников, которого нельзя заподозрить в любви к Грозному и который, как известно, десятилетия научной работы посвятил Ивану IV, насчитал 1505 человек. И примерно столько же в списке самого Ивана Грозного, который он отправил для поминовения. Это бы подтвердили и подлинные документы, которые хранились в архиве. Но в XIX веке, когда там, как пишет Вячеслав Манягин, работали масон Бантыш-Каменский и его верный ученик Карамзин, они исчезли. Впрочем, были случаи, когда работавшие в наших архивах иностранные специалисты, по словам писателя-историка, вывозили целые сундуки русских летописей. Вот за что надо карать жёстко! Не менее строго, чем за воровство золота, ибо архивы – это золото нашей истории, а значит, нашего места в мировой цивилизации.

Так кем же он был – Иван Васильевич Грозный? Не в искажённом, кривозеркальном изображении Карамзина и в тысячах повторений лжи

его либеральными последышами, а хотя бы в небольшом перечне дел, укрепивших Россию.

Первый русский царь в два раза расширил территорию страны. После покорения Сибирского ханства Россия стала больше всей Европы. На 50 процентов увеличилось население. Были проведены несколько стратегических реформ. Юридическая, в результате которой создан свод законов – “Судебник”. Земская реформа ликвидировала так называемое кормление, когда назначенные властью на места управленцы “кормились” за счёт населения. Введена всеобщая выборность населением местной администрации.

Проведена военная реформа. В России впервые образована регулярная армия – стрельцы. Они были вооружены огнестрельным оружием – пищальями, за спиной – бердыш, на боку – сабля. При Иване Грозном в России была создана лучшая в Европе артиллерия.

Кроме того, были проведены и другие реформы: местного самоуправления, денежная. Ивана Грозного справедливо называют царём-реформатором. Причём, всё это было сделано им в молодом возрасте: до 30 лет. До того момента, когда отравители убили его жену Анастасию.

По личному распоряжению царя построены 40 церквей, 60 монастырей. Основано 155 новых городов и крепостей. Создана государственная почта. Появилось около трёхсот почтовых станций. Установлены дипломатические и торговые связи с Англией, Персией, Средней Азией.

При Иване IV начали собираться Земские соборы – своего рода всероссийский совещательный орган при государе. Созданы две типографии. Таким образом, началось книгопечатание в России. Была собрана знаменитая библиотека Ивана Грозного, которая пропала и которую ищут до сих пор. Создана сеть общеобразовательных школ. Появилась первая аптека.

Даже части сделанного Иваном Грозным хватает, чтобы согласиться с Петром Первым в оценке его предшественника как великого деятеля России. Но дважды убитый царь – сначала ядами современных ему отравителей, а потом фальсификацией Карамзина и ядовитой ложью либеральной стаи – двести лет предаётся организованной анафеме, как изверг и садист.

Однако попробуйте в Англии назвать Елизавету Первую кровожадной убийцей, уничтожившей 82 тысячи человек, – сразу вызовут полицию. Скажут: оскорбляете великую историческую личность нашего государства, а значит – само государство. При этом пояснят, что нельзя судить прошлое мерками позднего времени. Такие, мол, были времена, такие были нравы.

Так же скажут об убийцах Варфоломеевской ночи Екатерине Медичи и её сыне Карле IX, об “английском мяснике” Кромвеле, по свидетельствам историков, уничтожившем из полутора миллионов ирландцев около 800 тысяч. Такие были времена – и ставят памятники. Кромвеля после смерти пышно похоронили, потом выкопали, повесили, снова захоронили, а затем поставили в Лондоне у парламента памятник.

И только Ивану Грозному в России ставить памятники непозволительно. Не так давно в городе Любиме Ярославской области, в городе, который основан Иваном Грозным (есть об этом документы), городские власти при поддержке народа решили поставить памятник Ивану Васильевичу. Однако против этого решительно выступил ярославский архимандрит Кирилл, который написал письмо губернатору, прокурору области и федеральному инспектору, где просто-напросто потребовал не устанавливать памятник Ивану IV. А в обосновании привёл абсурдные доводы: это ухудшит криминогенную обстановку и приведёт к непредсказуемым результатам.

Как известно, у нас Церковь отделена от государства. И почему светская власть должна выполнять предписания служителя культа?

После любимской истории, как говорится, слава Богу, ситуация кое-где стала меняться. По указу правительства Владимирской области установлен памятник Ивану Грозному в городе Александрове. А недавно был воздвигнут грандиозный памятник царю в городе Орле, который и основан по велению Ивана Васильевича. Да, противники этих действий бешено сопротивлялись и сопротивляются. Причём так сопротивляются, что, кажется, верещат, аж брызги слюны летят. Но идею памятника в Орле поддержал даже Патриарх Кирилл, что весьма знаменательно. А само обогаление царя признал и президент Путин. Повторяю, далеко не во всём я с ним соглашаюсь, но в этом полностью поддерживаю. Больше того. Думаю, пора плюнуть на организуемое

сопротивление хулителей и поставить памятники Ивану Грозному в основных им городах.

Так называемые либералы настойчиво призывают Россию равняться на цивилизованную Европу и не хотят видеть бревна в европейском глазу. А вот в нашем — соринку раздувают до размеров бревна. Так что же, нам в угоду этой крикливой стае — откройте интернет, и вы убедитесь в словно заказанной травле — надо отказываться от своего прошлого, от нашей истории? На этот счёт, я думаю, хорошо сказал Пушкин в письме к Чаадаеву: “Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя, как литератора — меня раздражают, как человек с предрассудками — я оскорблён, но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог её дал”.

Пётр Первый и Слотино

Отметился своим пребыванием в царском селе Слотино, причём, судя по раскладу событий, неоднократно, Пётр Алексеевич Романов, будущий Пётр Великий. Но тогда до величия было ещё далеко.

В ночь с 7-го на 8 августа 1689 года в село Преображенское, где был тогда 17-летний Пётр, прискакали, говоря по-нынешнему, симпатизирующие молодому царю двое стрельцов. Они сказали, что в Москву пришли стрелецкие полки. Готовится расправа над Петром и его семейством. За всем этим стоит сводная сестра Петра царевна Софья и её люди. Испуганный Пётр в одной ночной рубашке бросился в ближайший лес. Вскоре туда ему принесли одежду и седло. Всю ночь он скакал в Троице-Сергиев монастырь под защиту этой неприступной цитадели, которую дважды не смогли взять поляки. Вслед за царём туда пришли Преображенский и Семёновский потешные полки — будущая российская гвардия.

Несколько дней в монастырь для защиты и поддержки молодого царя приходили перешедшие на его сторону стрельцы, военные из Немецкой слободы. 17 августа Пётр направил второму царю — сводному брату Ивану — послание с предложением-требованием исключить имя Софьи из всех официальных документов как царевны. Под охраной её отправили в Новодевичий монастырь, где она прожила до конца своей жизни в 1704 году.

А Пётр немедленно поехал в Александровскую слободу обучать свои потешные полки военному делу на профессиональной основе. Руководителем обучения стал командир Бутырского пехотного полка, находившийся на русской службе шотландец, генерал Патрик Гордон. Именно его дневник является ценным документом об этом периоде жизни и занятиях молодого Петра.

Так же, как с Иваном Грозным, возникает вопрос: почему именно в Александровскую слободу? Как известно, это была царская вотчина. То есть она передавалась по наследству. После смерти Алексея Михайловича короткое время царствовал его старший сын Фёдор III. Сохранились документы о его поездке в Александровскую слободу и остановке на обратном пути в Слотине. После ранней смерти Фёдора Слободу унаследовали провозглашённые царями Иван и Пётр. Им даже сделали двухместный трон. Но Иван, который был старше брата на шесть лет, имел “здоровье хилое и ум не государственный”. На резиденцию внимания не обращал. Зато Пётр там стал бывать с ранней юности. Сохранилась запись о его поездке туда в июле 1688 года. Когда в 1725 году он умер, Слободу унаследовала недолго правившая Екатерина I, а после неё их с Петром дочь Елизавета. Эта красивая, рослая царевна любила веселье, балы, переодевания. Некоторые её поездки, даже на недалёкие расстояния, вроде как в Троице-Сергиев монастырь и в Александровскую слободу, длились неделями. Наверняка и в Слотине Елизавета бывала не накоротке.

Однако, в отличие от дочери, Пётр с молодости не любил тратить время попусту. Отправив сестрицу-заговорщицу в монастырь, он немедленно, как уже сказано, поехал в Александровскую слободу. Не только потому, что хорошо знал её и окрестности, где можно было лучше тренировать полки, но ещё и потому, что поехал туда с большой кучей своих родственников и их obsługi. Взял мать, жену, сестёр, тёток и массу придворных. Разместить их всех можно было только в царском дворце, для ремонта 20 печей которого пять лет назад они с братом велели закупить изразцы.

О том, как шли тренировки, день за днём записывал Гордон. 17 сентября он отметил: “Я тренировал восемь шеренг солдат перед Его величеством”. После этого состоялся долгий разговор с царём. Потом были тренировки конницы, стрельба, в том числе из пушек. А 22 сентября генерал Гордон отметил: “Царь Пётр и сопровождавшие его лица покинули Александрову слободу, ночевали в Слотине и 23 сентября прибыли в Троице-Сергиев монастырь”.

Хочу обратить внимание на то, как упоминает Гордон о Слотине. Как о давно знакомом селе, где и он, и другие “сопровождающие лица” бывали не раз — ведь царь Пётр то и дело ездил из Слободы в монастырь, из монастыря в Слободу. А дорога была единственная. И село с царским дворцом ровно на середине пути тоже было единственным пристанищем. Его ни обойти, ни объехать. Поэтому ни в каретах, ни на телегах, ни верхом, ни пешком Слотина не миновали. Даже просто напиться отличной колодезной воды люди останавливались.

Слотино — киносело

В ноябре 1978 года на экраны страны вышел фильм “Трясина”. Он, как свидетельствовали зрители, потряс их. Но прошло немного времени, и картину сняли с проката. Отобрали её высшую категорию и положили на полку.

В чём же дело? Режиссёром был знаменитый Григорий Чухрай, артисты — великолепные: Нонна Мордюкова, Валентина Теличкина, Валерий Носик, Владимир Заманский, Вадим Спиридонов, Владимир Гусев. Что случилось?

История такова. Однажды кто-то из артистов принёс Чухраю заметку в “Комсомольской правде” о том, что где-то обнаружили человека, который всю войну просидел в подполье, прятался там. Чухрай был фронтовиком, он прошёл Сталинградскую битву от первого боя до последнего, был трижды ранен. Воевал и дальше, дошёл до Европы. Он, конечно, ненавидел и презирал таких предателей. Но потом задумался, решил сделать картину об этом. Связался с молодым тогда сценаристом Виктором Мережко и попросил написать сценарий.

История, которая в этом сценарии рассказана, примерно как та, только более драматичная. Простая крестьянка Матрёна Быстрова получает “похоронку” на мужа. Потом приходит сообщение, что пропал без вести её старший сын. А через некоторое время вызывают на пункт сбора и младшего сына. Она везёт его на лошади зимой, привозит в райцентр. В это время начинается бомбёжка. Всё горит, взрываются бомбы. Она, в ужасе за жизнь последнего сына, разворачивает лошадь и мчит домой. Там, в селе, она прячет сына в своей избе, и всю войну он в ней живёт, таясь от людей.

Съёмки проходили в селе Слотино, и когда я там начал строиться, сохранились все дома, снятые в картине. Хотя и сегодня немало осталось.

Фильм, конечно, драматичный. Но самая тяжёлая роль — у Мордюковой. Я читал одно интервью Нонны Викторовны, где она говорила, как тяжело ей было сниматься в этом фильме. Настолько тяжело, что казалось, будто она никогда его не закончит. Актриса чуть ли не падала в обморок. Однажды она пришла на съёмочную площадку, там женщина собирала реквизит. Мордюкова упала ей на грудь и кричала, что не может больше сниматься. “Я умру!” — рыдала она, настолько были тяжелы и убийственны переживания матери, которая стала потом разрываться между двумя сыновьями. Оказалось, старший сын не пропал без вести, а вернулся домой. Правда, невеста, которая обещала его ждать, вышла замуж. Для Чухрая это было тоже предательство. А невесту играла Валентина Теличкина, и к ней, я где-то читал, Чухрай относился чуть ли не как к той героине.

Жила Мордюкова в доме, который теперь напротив меня. Он и сейчас сохранился. Тогда стоял пустой. И его просто отдали артистам. Я разговаривал с добрым десятком свидетелей того времени, читал интервью Мордюковой.

В одном из них она рассказала такую историю. До “Трясины” три года была в простое, хотя перед тем уже снималась в прекрасных фильмах: “Они сражались за Родину”, “Чужая родня” и другие, не говоря о “Молодой гвардии”. А тут её перестали брать. Она вынуждена была ездить с выступлениями по стране. Как-то в одном городке увидела храм. Зашла в него и расплакалась. Сквозь слёзы проговорила: “Да что ж это происходит?” Потом воскликнула: “Господи, помоги мне! Я уже не могу, я устала, вся измучилась ездить с этими

выступлениями, с рассказами на тему “Товарищ кино”. Сделай что-нибудь!” Через некоторое время группа вернулась в Москву. И в тот же вечер, когда Мордюкова приехала домой, раздался звонок. Её пригласили сниматься в фильме “Трясина”.

Это сейчас село Слотино довольно доступно в транспортном отношении. Туда можно добраться в любое время года, потому что мы и дорогу сделали своими руками, и “бетонка” близко. Съёмочная группа обосновалась на берегу Торбеева озера. Сейчас на том месте частная база отдыха – несколько симпатичных коттеджей, судя по отзывам, приличный сервис. Тогда же стоял один трёхэтажный дом Мособлтура. В нём и разместилась группа Чухрая.

Нынешняя юристка племптицезавода “Смена” Людмила Павловна Шилина не один год руководила Березняковским органом местной власти. Многим из нас она помогала оформить нужные документы для приобретения дома в деревне с землёй. А в пору съёмки “Трясины” была молодой специалисткой: недавно закончила институт и работала в филиале научно-исследовательского института резиновой промышленности. Жила с такими же молодыми девушками в деревне “Смена” – по прямой это недалеко от озера, куда они ходили купаться.

Узнав, что на турбазе живут артисты и снимают фильм в Слотине, девушки однажды вечером пошли на базу. Познакомиться, потанцевать. Пришли и застали только часть съёмочной группы. Остальные уехали в Слотино. “А в этот день, – рассказала мне Людмила Павловна, – прошёл сильный ливень. Он размыл когда-то ухоженный царский тракт, давно превратившийся в дорогу ям и колдобин, до такой степени, что машины съёмочной группы не могли тронуться с места. Слотино стало островом, до которого можно было добраться только на тракторе. А он – в соседней деревне Малинники – там отделение совхоза”.

Однажды в какой-то заметке я прочитал, что в Слотине тогда жили десять человек. В другой публикации писали, что шесть стариков, и за хлебом они ходили 12 километров. В действительности это не так. Не только староста Евдокия Ивановна Чернега, но и Шилина, которая по должности знала все населённые пункты и количество жителей там, опровергают такие сведения. Почти во всех домах, а их было больше тридцати, жили люди. Да и начальные кадры фильма, где крестьяне серпами убирают хлеб, показывают немало людей. А ведь там снимались местные жители, в том числе Евдокия Ивановна Чернега, Анастасия Васильевна Малышева и другие. Магазины в Слотине, правда, не было. Он был в большой соседней деревне Малинники, где находилось отделение совхоза. Была там и почта – к нам, в Слотино, ещё в начале нулевых ходила женщина-почтальон. Так что до Малинников было, как говорится, рукой подать. 12 километров – это до центральной усадьбы племптицезавода “Смена” в красивом, благоустроенном посёлке Березняки.

Поэтому, когда ливень кончился, кто-то из местных жителей пошёл за трактором в Малинники – выручать артистов.

А в селе о них позаботилась Евдокия Ивановна. Нажарила две огромных сковороды картошки, нарвала с грядки зелёного лука, редиски, поставила большую миску сметаны – у неё и ещё в двух дворах были коровы. Для полноты беда достала две бутылки самогона. Артисты поставили водку, и начался незапланированный пир.

А сельский посланец пришёл в Малинники, разыскал управляющего отделением совхоза Николая Ивановича Щербинина, рассказал о ситуации в Слотине. Первым делом решили позвонить на базу, Григорий Наумович Чухрай в тот день не поехал на съёмки. Щербинин его успокоил, сказал, что пошлёт трактор.

Я не был знаком с Николаем Ивановичем. Знал его сына Александра. Удивительный был человек. В молодости работал на заводе. По комсомольской путёвке – был такой способ участия общества в подборе кадров для органов внутренних дел – его направили в милицию. Учился в специализированном институте. Стал офицером и поступил работать в ГАИ. Прошёл все ступеньки служебной лестницы и несколько лет был начальником Сергиево-Посадского ГИБДД. Именно он помог мне собрать материал для статьи в парламентском журнале “Российская Федерация сегодня” о бессмысленном, но очень затратном переименовании ГАИ в ГИБДД, где я критиковал тогдашнего председателя правительства России Михаила Касьянова.

На мимолётный взгляд, внешне Александр Николаевич выглядел простым мужиком. Коренастый, плотный телом, уже полнеющий, большая, круглая, заметно лысеющая голова. Глаза небольшие, но всё схватывающие. Профессия наложила отпечаток быстро реагировать. Но в отличие от некоторых других людей этого рода занятий – чванливых, глядящих как бы мимо человека, если человек им не нужен, – Александр Николаевич был ко многим добрым и отзывчивым. Имея квартиру в городе, они с женой Таисией Михайловной жили в деревне Марино, поблизости от Слотина и тех самых Малинников, где отец Александра Николаевича был управляющим отделением, когда к нему пришёл посланец артистов за трактором.

Трактор он направил. Но вытащить машины съёмочной группы на “бетонку” было непросто. Зато на базе успокоились. Людмила Павловна вспоминает, как они начали танцевать, веселиться, как ей оказывал знаки внимания артист Владимир Гусев, высокий, завидный красавец.

Поздно вечером приехала группа из Слотина. Но девушкам уже надо было уходить.

Дом, в котором, по сценарию, жила Матрёна Быстрова и где шли съёмки, до приезда артистов был пустой, но принадлежал семье Килькиных. О них скажу позднее, а сейчас про многолетнюю депутатку и старосту Чернегу. Евдокия Ивановна, тогда ещё не старая, но любознательная тётка, повадилась ходить сюда и при случае поговорить с Мордюковой. Бывало так: посидят на ступеньках, потом идут в избу – выпить по рюмочке. Однажды Евдокия Ивановна пришла, смотрит: выходит Мордюкова и падает со ступенек. “Что с тобой?” – спрашивает Чернега. “Не мешай”, – говорит Нонна Викторовна, снова поднимаясь на ступеньки. Начинает сходить и тут же опять падает. Так повторилось несколько раз. Обеспокоенная Чернега хотела было помочь, но Мордюкова остановила её. “Это я репетирую. Мне надо так упасть, чтобы был синяк”.

Разумеется, съёмки вызвали большой интерес у жителей не только Слотина, но и окрестных селений. Мне рассказывала дочь Евдокии Ивановны Валентина, живущая в соседней деревне Марино, как она, ещё молодой женщиной, вместе с двумя бабками-родственницами пришла на поле, где стоял вагончик съёмочной группы. Хотели сняться в массовке. Стали ждать, когда их вызовут. Ждали-ждали – не зовут. “Вдруг посмотрим, – говорит Валентина, – в вагончик вошла молодая женщина. Проходит немного времени и оттуда появляется старуха старухой. Я сильно удивилась, как же её так здорово загримировали”. Она ещё подождала и ушла домой. Карьера артистки не получилась.

А карьера эта, если ей отдаваться сполна, очень тяжёлая. На мой взгляд, роль Мордюковой в “Трясине” – одна из лучших в её карьере. Если не самая лучшая. Это поняли не только ценители кино, но и простые зрители. Нонна Викторовна, говорят, всегда старалась работать без дублёров, многое умела делать сама. Мне рассказывала жена моего, к сожалению, рано умершего друга, Александра Сергеевича Килькина, Людмила Михайловна о том, что некоторые зимние эпизоды снимались на её глазах. “У меня недавно родился Серёжа, и я переехала из Загорска к Сашиним родителям в Слотино”. Их дом стоит на возвышенной стороне села. Из него просматривается значительная часть Слотина. Людмила Михайловна хорошо запомнила, как Мордюкова носилась на санях по селу, сама управляя лошадей.

Ровесник фильма Серёжа, о котором она сказала, теперь Сергей Александрович Килькин, высокий, симпатичный мужчина, подполковник МЧС. Живёт больше в Слотине, чем в Сергиевом Посаде.

Меня давно занимает вопрос: как появилась в абсолютно сухопутном месте фамилия, связанная с большой водой? Я спрашивал об этом своего сельского друга Сашу Килькина. Ничего толком он мне не сказал. Даже про деда упоминал едва-едва. Прав был Геннадий Филиппович Попов: память нам усердно отшибали. Да и сами мы не слишком старались передавать семейные истории от дедов внукам. Помню, как меня поразила заметка в какой-то газете о еврейской семье, которая знала своих предков, если не ошибаюсь, чуть ли не со времени распятия Христа. Помнят несколько поколений предков горцы Кавказа. А мы не всегда дедов помним... Спрашивал я Владимира Александровича Чеканова, которого называл местным Пименом. Он многое

знает о людях села, бывших и нынешних. Знает в том числе о том, что у деда – отца его матери, в девичестве Килькиной, – было около десяти братьев и сестёр. Все они когда-то жили в Слотине, и Володя даже называл мне их дома, сказал, что от деда по матери перенял благородное дело: стал хорошим пасечником. Но откуда пошла фамилия Килькиных, не знал. Оставалось искать другие пути.

Интересно изучать происхождение фамилий. Моя, например, думаю, базируется на двух основаниях. Кто-то из предков был скуповат, соль – этот древний дефицит – щепотками давал займы. Второе основание могло быть связано с церковной реформой XVII века, когда Патриарх Никон отменил правило креститься двумя перстами, то есть двумя пальцами. Было велено – тремя. Иначе говоря, щепотью. Или щепоткой.

Фамилия “Щепоткин” со средних веков часто встречается в архангельских местах. Там для рыбаков соль – важнейший продукт. Так что тут могло появиться первое основание. Однако предки моего отца были из Волжского казачьего войска, расформированного и расселённого Екатериной II за участие в пугачёвском бунте. Наиболее продвинутые казаки могли первыми начать креститься щепотью.

А Килькины? То ли кто-то из предков был маленький, как килька. То ли занимался промыслом этой небольшой, вкусной рыбёшки. Главное, он должен жить там, где она водится.

Однажды Володя Чеканов принёс мне краеведческий журнал. В нём потомок коренных жителей села, сын реставраторов и сам реставратор Николай Сорокатый вскользь упомянул о русском учёном Степане Петровиче Шевырёве, который, оказавшись в 1847 году в Слотине, обратил внимание на необычный для здешних мест говор. Он напоминал новгородский. Как здесь оказались новгородцы, задумался я. Узнать удалось легко. Дед Ивана Грозного великий князь Иван III в борьбе с Великим Новгородом насильно переселял, то есть депортировал, строптивых новгородцев на владимирские земли. А они – в двух километрах от Слотина. Оставалось понять, известна ли была новгородцам килька? Выяснилось, знали они её. Килька водится в основном в Балтийском, Северном, Норвежском морях. Балтика же через Неву, Ладожское озеро, реку Волхов соединяется с озером Ильмень, которое находится поблизости от Новгорода. Здесь рыбку ловили предки Килькиных, и она падала на стол новгородцам. Вот и разгадка необычной озёрно-речной и морской фамилии в сухопутном Слотине.

Но я отвлекся на эти поиски, в том числе, потому, что они имеют отношение к фильму “Трясина” и его создателям. Дом, в котором снималась Мордюкова, где прятался, издеваясь над матерью, младший сын (артист Андрей Николаев), из-за которого она прогнала старшего (артист Вадим Спиридонов), чтобы тот не увидел дезертира, куда постоянно заходил Григорий Чухрай и другие актёры, сохранился в том же виде. Сейчас в нём живёт Валентина Ивановна Килькина. Наша старшая дочь Наталья, которая имеет дар художника, зарисовала его. Валентина Ивановна не местная. Она из другого района Московской области. Вышла замуж за старшего сына Килькиных Алексея Сергеевича. Они долго мыкались без хорошего жилища в Загорске. Дом и до съёмки, и после них стоял пустой. Валентина только приезжала сажать огород – нельзя было бросать землю. Однажды в дом забрались воры. Ничего особенно не взяли – ценностей здесь не хранили.

Единственный нанесли урон, да такой, что Валентина Ивановна до сих пор вспоминает с сожалением, – испортили старинный, обитый металлом сундук. Когда его открывали, раздавался красивый, мелодичный звон. На этом сундуке любила сидеть Нонна Мордюкова, с интересом оглядывал его Григорий Чухрай.

Сегодня о том, что в доме Килькиных снимался драматичный фильм “Трясина”, что здесь работал выдающийся советский режиссёр Григорий Наумович Чухрай с командой великолепных артистов, среди которых звездой первой величины сверкала Нонна Викторовна Мордюкова, знают только жители села Слотино. А это не совсем справедливо. В 1992 году редакционный совет Британской энциклопедии “Кто есть кто?” включил Мордюкову в первую двадцатку самых выдающихся актрис XX века. В какой-нибудь другой стране знаменитости такого уровня поставили бы памятники, открыли музей. В Слотине

сегодня сделать это пока невозможно. Я как-то завёл с Валентиной Ивановной разговор о фильме, о Мордюковой. Спросил: “А не хотела бы ты, Валя, переехать в город?” Муж у неё умер. Она отрицательно покачала головой: “Нет, Вячеслав Иванович. Что мне там делать? Сидеть да в окно глядеть? Тут у меня хозяйство”. Помолчала и добавила: “Природа”.

У неё, действительно, есть хозяйство. Три козы, куры, кошки, собака Чубайс. Козье молоко, яйца дают хорошую добавку к пенсии. Плюс своя картошка, огородно-парниковые овощи. При нынешних, зверски растущих ценах – тоже неплохо. Наконец, природа. Для Валентины Ивановны она и красота, и польза. С козами идёт в лес, дышит свежестью и собирает грибы. И она не скучает: её часто навещает дочь и сын.

Но всё же, пока исторический дом живой, его надо как-то отметить. Хотя бы повесить мемориальную доску.

(Продолжение следует)